

Алексей Ушаков

Неоконченная исповедь Богу

Непридуманные
истории

Алексей Ушаков

**Неоконченная исповедь Богу.
Непридуманные истории**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63421717
ISBN 9785005184344*

Аннотация

Истории из жизни автора, мысли и жизненный опыт автора и его друзей. Завещание Деда внукам и размышления о том, какими они, внуки, должны быть. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Сборник рассказов «Неоконченная исповедь Богу»	6
Дорогой Читатель!	8
Этюды о моей студенческой жизни в МИФИ	10
Этюд на тему студенческих экзаменов	11
Этюд на тему семинаров и лабораторных	15
Этюд про хоккейную спортивную форму	17
Этюд на тему военной кафедры	18
Этюд про туристов	19
Сладкие воспоминания про походы и байдарки	20
Мой первый самостоятельный турпоход	24
Мой первый поход по воде на реке Мста	32
В лучах заката стоит статуя, а...	37
Последнее испытание	41
Давненько я такой непогоды не видал...	54
Лагерь на Жижице – наша полиэтиленовая дача	61
А вы прогуливали уроки в школе?	67
Ночной кошмар	72
А Вовочка в это время разминался в буфете красненьким...	80
Продолжение банкета или «Час волка».	86
Наладчик с Байконура – сосед, алкаш, садист	89
Я ликвидатор – Чернобыльские этюды – рассказ	96

экипажу яхты	
Похудеть с гарантией!	112
Май мутного 1989 года на Озернинском водохранилище	119
Мысли доноров-эгрегоров материальны, но управляют всем элиты, которые у нас чужеродны нам	128
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Неоконченная исповедь Богу Непридуманные истории

Алексей Ушаков

© Алексей Ушаков, 2020

ISBN 978-5-0051-8434-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Сборник рассказов
«Неоконченная исповедь Богу»**

Дорогой Читатель!

Правда у каждого своя, и она может не противоречить Истине, а быть одной из её сторон.

Жизнь несправедлива и Правды нет – так утверждают многие! Но это не означает, что мы своими поступками должны нести неправду и несправедливость!

Мы не можем изменить Мир, но можем изменить себя! Не торопитесь изменять свои позиции, помните, что Правда – это одна из сторон Истины, и много её не бывает, в отличие от лжи!

Истина едина, заблуждения многолики, а Правда у каждого своя. Ложь походя недопустима, а ложь во спасение оправдана.

Правдивость – социально приемлемая ложь, обман – соблюдение социальных приличий, а правовое общество – это то, в котором не нужны совесть и честь.

А время, как известно, циклично – то есть история повторяется, вот и выбирайте, какими вам быть и как поступать, но главное – оставаться Человеком! Делайте свой выбор из чувства любви и долга, а не из чувства страха, и тогда не промахнетесь!

И вообще, делайте, что должно, и будет в итоге вам счастье!

Здесь представлены непридуманные истории из жизни,

свидетелем которых, или участником которых, я был. Участниками событий в рассказах высказаны интересные мысли, возможно, они спорны, но они высказаны...

Многих участников «историй» уже нет с нами – царствие им небесное и земля пухом... Им мы многим обязаны!

Этюды о моей студенческой жизни в МИФИ

Мне поручено тренироваться в писании текстов и писать этюды. Художники ходят или ездят на натуру писать этюды, тащат с собой краски, холсты, кисти, мольберт и прочее, а нам, писакам, и задницу отрывать не надо – заглянул в анналы своей памяти или электронные блокноты, или представил мысленно что-то – и описал. Как известно, писатели пописывают, а читатели почитывают – вперед, ребята!

Этюд на тему студенческих экзаменов

Общую физику нам в МИФИ на факультете «Т» (экспериментальная и теоретическая ядерная физика) читал Взоров – один из лучших лекторов по общей физики Москвы. Его приезжали слушать из других ВУЗов, включая физфак МГУ – приезжали слушать и смотреть, как ходят в театр на любимого актера, мастера своего дела. Он прекрасно владел словом, знал предмет и имел потрясающее чувство юмора. Он легко мог объяснить любую тему как при помощи законов физики и аппарата математики, так и просто логикой на пальцах. Естественно, мы ему подражали, как могли.

Так вот, пришёл я к нему на экзамен и попались мне в билете Законы термодинамики. Я взял билет, а Взоров мне и говорит:

– Что, Алексей, сразу отвечать будете или готовиться пойдёте? Если сразу, +1 балл!

– Сразу, – говорю.

– Помню, на семинаре Вы правильно решили задачу, применив несуществующий закон физики. Что будет на этот раз?

– Разрешите, я докажу все Законы термодинамики разом, даже не называя их, методом «от противного»?

– Валяй!

По большой аудитории амфитеатром прошёл гул с оттенком удивления и интереса, и я начал:

– Представим, что Законы термодинамики не работают.

Из аудитории, где сидела группа теоретиков, донеслось:

– Полная жопа будет!

Аудитория взрывается аплодисментами, как в театре после удачной реплики актера. Смех Взорова носит неудержимый характер, он начинает икать и выходит из аудитории. Лохи пытаются начать списывать. Мне с первых рядов шепчут:

– На столе у Взорова учебник, посмотри...

– Это не наш метод! – отвечаю.

Пока преподаватель борется с икотой и приводит себя в порядок, я решаю задачу, получая правильный ответ, чисто логическим методом. Возвращается Взоров:

– Ну? – платок у рта, глаза мокрые, смотрит мой листок с решением.

– Ответ правильный, но как Вы его получили? Хорошо, дальше.

– Хорошо это отлично, на отлично я ещё не тяну!

Взоров берет мою зачетку, что-то пишет, прикладывая платок ко рту, протягивает мне:

– Хор, заслужил!

В аудитории аплодисменты, кто-то свистит.

Еще пару мазков о госэкзамене по английскому языку. Этот экзамен в МИФИ был в конце 4-го курса. До этого мы

тренировались в переводах технических текстов по физике, набирали словарный запас и прочее, а тут бац – экзамен. С языком у меня было плохо, даже с русским, по причине очень плохой памяти. Читая вторую страницу книги, я забывал, что было на первой, и это сохранилось по сей день...

Сел я к преподавателю, а это оказалась завкафедрой английского (первый раз ее видел). Взял билет, уж и не помню, что там было. Экзаменатор дает мне «Физикал Ревью» и говорит:

– Выбирайте статью и начинайте переводить.

Я листаю журнал и, о чудо, вижу статью о спектрометрии – как раз та тема, которой я занимаюсь. Схемка прибора, формулки, графики и спектры – всё знакомо.

– Нашли, давайте, не тяните...

Тут мне и поперло. Я начал как по заученному рассказывать, чем я занимаюсь, со всеми подробностями и нюансами, даже ядерный жаргон применил. Минут через пятнадцать преподаватель меня прерывает, берет журнал, вчитывается в статью и спрашивает:

– Скажите, сколько английских слов Вы знаете?

Нет ничего лучше правды – этому меня еще Мама учила, и я отвечаю:

– Два!

– И какие?

– Эксусайз и эхтиандр...

– И всё?

– Нет, я их просклонять могу в прошедшем времени!

Преподаватель минут пять смотрит мне прямо в глаза, задумчиво так, а там есть куда смотреть – я тогда был с бородой, волосы до плеч (но не хиппи) и говорит:

– Верю!

Понятно, что экзамен я сдал на... уж и не помню.

Этюд на тему семинаров и лабораторных

А еще у нас был семинарист по матану по фамилии Бут, а звали его Евгений, он еще записки на двери деканата оставлял, типа: «Е. Бут в 407 ауд.». Про него нельзя не рассказать. Блондин, волосы ёжиком коротким, высокий, но как колобок, совершенно необъятный в талии. Математику он сек только так. Его задачей было и рассказать, и объяснить, и натаскать. Как в армии говорят: не знаешь – научим, не хочешь – заставим. Так и он. У него была общая тетрадь, где на каждого студента он отводил пару—тройку листов в семестр. Листы были разграфлены по времени, числам и заданиям, и там он ставил оценки. Зачетная сессия у Бута началась за месяц до официальной. Представляете, как он нас дрючил... Конечно, на экзамены он выпускал всех, но в таком состоянии, что мать родная не узнавала. А на самом экзамене выслушивал ответ на билет, потом доставал свою тетрадку и начинал гонять по заданиям, где в клетке минус стоял. И при этом он говорил: «Чтобы физику учить, понимать, расчеты делать, надо отлично знать математику, вот я вас и дрючу». На факультете «Т» – самом сложном, нам давали полные курсы математики и физики все пять лет учебы, а на шестой год мы писали диплом.

На лабораторных работах, где мы получали «сверхваку-

ум» путем применения жидкого азота, а потом и жидкого гелия, произошёл конфуз. Девочка одна из нашей группы, Ленка, ходила в шапке из шанхайского барса, шапка была такая большая, что оставить её в гардеробе было нельзя, и засунуть её никуда было нельзя, поэтому в лаборатории она лежала на столе. Нашёлся умник, который решил плеснуть жидкий гелий в шапку как в термос. И вот лежит шанхайский барс на столе весь в инее и «дымит», тут входит преподаватель и говорит:

– Так, прошу всё со столов убрать кроме блокнотов с ручкой. У кого там сигарета дымит, вы что...

– Ленка, скинь шапку к батарее, – шепчет кто-то.

Ленка берёт деревянную линейку и сдвигает заиндевевшую шапку со стола – ДЗЫНЬ-БЛЯМ...

Этюд про хоккейную спортивную форму

Самым интересным была для меня игра в институтской команде по хоккею, всего год, вместе с завкафедрой теоретической физики по фамилии Мур. Сколько же было надежд на множество экзаменов по этой части! И все было хорошо, пока я не набрал спортивную форму и не начал ругаться матом на поле и за бортиком, да ещё пару раз на тренировках применил к Муру силовые приёмы у борта. Экзамен сдавать было сложно.

Помню был такой момент – в институте не было бумаги и всех просили приходить на экзамен со своими листами. А сдавали мы тогда или релятивистскую теорию поля, или электродинамику, или предмет из комбинации этих слов. Вот я и принес на экзамен листы с ответами на билеты, только сильно продавленные – второй экземпляр без копирки. А экзамен принимал лектор Мур. Отвечая на билет, я обвел вдавленное и пошел отвечать. А формулы там были на полстраницы. Ну Мур мне и говорит: «Алексей, да что б вы такую формулу запомнили, ну не верю».

Этюд на тему военной кафедры

У нас был преподавателем полковник-танкист, а готовили из нас командиров мотострелковых взводов. Приколов было мало, в основном шагали на плацу и стреляли на полигоне. Но вот когда нам объясняли устройство автомата Калашникова, возник вопрос.

– Это приклад, это рожок с патронами, это затвор, а это дуло, из которого вылетает пуля и летит по «неувидимой» траектории, – говорит полковник.

– Товарищ полковник, а что такое «неувидимая» траектория? – спрашивает студент.

– Студент, вы видели, как комар ссыт?

– Нет!

– Вот, это и есть «неувидимая» траектория!

Этюд про туристов

Многие студенты записывались в секции. Особой популярностью и у студентов, и у преподавателей пользовались секции альпинизма, байдарочная и секция сплава на плотах по порогам. Мы заметили, что студенты и преподаватели из одной секции быстро находили общий язык на зачетах и экзаменах. А вот студенты-туристы и обычные преподаватели никак сговориться не могли, и таких студентов часто отчисляли. Так и из нашей группы двоих отчислили. А какие ребята были! Частенько в понедельник приходили на лекции, а от них костром пахло.

Сладкие воспоминания про походы и байдарки

Сезон мы обычно начинали с майских праздников. Готовились к этому несколько месяцев: выбирали маршрут, проклеивали шкуры байдарок резиновым бинтом «по каркасу», составляли списки закупок, собирали все по списку, особенно искали тушенку. И жили в ожидании дня старта, периодически собираясь у кого-то уточнить детали и распить пару бутылочек портвейна...

Места стоянок помечались на картах как рекомендованные людьми, прошедшими этот маршрут. Но бывало по-разному. Вообще, найти хорошую и уютную стоянку сложно, она должна соответствовать массе условий: наличие дров и «отсутствие комаров» — есть комариные места, которых надо избегать, наличие мест под палатки и костра с ареной для зрителей и исполнителей, удобный подход к воде.

Не знаю, как у кого, а у нас за 1—2 часа до стоянки «сильная лодка» уходила вперед проверять место. А потом они ждали на берегу — лодка на воде у берега, а сами проверяли округу и занимались дровами. Подходили остальные, вытаскивали лодки, каждый определял место для своей палатки, затем все ставили их. Потом один из экипажа занимался обустройством палатки, а другие кухней, дровами, костром,

подготовкой мест, где будут есть. Готовили на всех дежурные. У нас все было отлажено опытными товарищами и занимало не так много времени – все хотели есть, пить чай, общаться... И, конечно, костер, гитара... Спиртное не возбранялось, но пьянок не было – слишком много было эстетов и гурманов – с ударением на первом слоге.

Сидим вокруг костра. От него тепло и немного дымно. Надо выждать, когда основная масса комаров отправится спать и останутся только любопытные любители песен и дыма, тогда можно спокойно сидеть и слушать поющего. Смотреть на огонь и вдыхать запах чая с дымком... Чай из котелка с костра – это неповторимое... На костре всегда котелок с чаем и травами, что собрали на стоянке. Дрова для посиделок приносили все, а вот костровой был один – он следил за огнем и котелком, наливал чай желающим, шевелил угли и подбрасывал дрова, а иногда и хвою для дыма. Кстати, как ни садись, дым всегда будет на тебя! Костровой – это призвание.

Когда маршрут тяжелый, такие посиделки бывали раз в пять дней, а так обычно на каждый третий день. Дел полно было всяких, причем, замечу, и селфи дурацкие никто не делал, и в экранах смартфонов не сидел, и за связью в горку не бегал – жили спокойно, оторвано от Мира, иногда и приёмников с собой не брали – ОТДЫХАЛИ!!! Кстати, был договор – научные проблемы и политику не обсуждать... (болтун – находка для шпиона, шучу!).

Когда расходились, костер устраивали так, чтобы утром дежурные могли только расшевелить золу и угли и подобрать дрова. У каждого, конечно, своя программа, но раньше всех вставали дежурные и ставили овсянку с сухофруктами, чай и кофе, на что у них вместе с умыванием уходило полчаса. После чего объявлялся общий подъем к завтраку методом стука ложкой по металлической миске.

За день веслом намашешь, потом сытный ужин и посиделки у костра, и поэтому залезаешь в палатку холодную, весь такой пропахший дымом, растягиваешься молча на спальнике и начинаешь бить комаров до последнего. Потом раздеваешься и ныряешь в спальник с х/б вкладышем, застегиваешься с головой и дыханием согреваешь спальник. Минут через пять открываешь проход воздуху и начинаешь вдыхать аромат палатки, леса и трав... Глаза закрываются сами собой... Главное – у костра столько чая выпить, чтобы до утра не просыпаться и не вылезать из палатки, что не приветствуется соседом. По молодости это ещё возможно.

А если ночью идет дождь... Кайф! Звук капель о брезент и запах... У меня была зеленая двухместная брезентовая «солдатская» палатка – помните, наверное, для неё нужно два шеста (у нас весла) и четырнадцать колышков, она и сейчас жива. Запах она имеет неповторимый, ни с чем не сравнимый и приводящий туристов в восторг. А если ставишь её на сено или хвою... Уууу... Главное, чтобы течи не было ни сверху, ни снизу (мы пленкой накрывали, чтобы не сушить).

А утром, в сильный дождь, не вставали, позволялось расслабиться и отдыхать, спать. Вставать или нет, определяли дежурные, они всегда вставали – несчастные!

Представляете, все мокрое, надо вылезать, заниматься костром и завтраком. Конечно, мы делали тенты над кухнями, но не очень большие – все ж на себе тащить...

Завтрак, сборы – и в байдарки. Ломота в руках и спине первые минут двадцать, а потом пошло-поехало... Старшой отходит последним, помогая каждой лодке и осматривая стоянку. Карта маршрута в каждой лодке, так что легко определить свое место и сколько до следующей стоянки.

У нас одна лодка была «Салют—трешка», там двое гребли, а третий им книгу вслух читал. Потом они на стоянке цитатами сыпали. А еще были «RZ» -ки, синенькие такие...

Вопрос читателю на засыпку: как на берегу определяется, какой турист перед вами стоит – например, байдарочник он или нет?

Мой первый самостоятельный турпоход

У нас в классе было несколько заводил и среди мальчиков, и среди девочек в смысле спорта, туризма и организации классных вечеров и семинаров по интересам с докладами самих школьников, а держалось это, в первую очередь, на родителях этих детей и нашей классной руководительницы Барсуковой.

Надо сказать, что в наше время школьников стремились научить всему, что может потом пригодиться в жизни. У нас была масса кружков на базе школьных мастерских, где шли занятия на уроках труда. В школах проводилась игра «Зарница», где из мальчиков готовили солдат, а из девочек медсестер или санитарок на поле боя. Учитель по литературе вел драмкружок.

Короче, мы были не такие уж белые и пушистые, как дети сейчас — мы многое умели, мало чего боялись и могли постоять за себя сами. А стычки были. И надо сказать, что коллектив класса или дворовый были хорошими воспитателями.

И вот, родительский комитет нашего класса совместно с классным руководителем решили отправить нас в самостоятельный пеший поход на реку километров за 15—20 от нашего городка, а по тем временам это почти глушь. И решался

только один вопрос: кто с нами пойдет, и пойдет ли вообще – вожатый, кто-то из родителей или физрук?

Это было в 70-м году прошлого века, после экзаменов в восьмом классе. Нам тогда было по 15 лет.

Нас собрала классная руководительница и сказала: есть предложение от родителей класса – сходить вам в пеший поход в местные леса, вот сейчас вам все и расскажут...

Отец парня, который с нами учился – Андрея Заболотнева, военный, КФМН, сам турист и заядлый рыбак, решил организовать для класса «поход на природу», причем не пикник, а поход на несколько дней с ночёвкой в палатках. Приглашались все желающие, кто был готов и кого отпускали родители. Через пару дней определился состав – человек 10—12 из класса. Кого-то отпустили, кого-то нет, кто-то сам не хотел. Когда состав определился, всем раздали листочки со списком того, что надо взять с собой и как быть одетым, а еще карта местности с пометкой, где будет лагерь. Директор школы, милиция, родители – все были поставлены в известность. И никаких формальностей и оформления бумаг. Идут дети и отец одного из ребят, военный – Старший.

Мы жили в военном городке, у всех родителей были машины, но собрались мы на автобусной остановке. Кто-то с большим трудом дотащил поклажу. Сели в автобус в сторону Черноголовки и поехали. В то время дорога проходила через глухие леса с речушками. Старший договорился, что нас выкинут прямо среди дороги.

Автобус ушел. Мы навьючили на себя весь груз и пошли следом за Старшими, в качестве которых были отец и сын, опытные путешественники. Частично и среди нас были парни с опытом, например, я прошел с родителями неплохую школу, но половина кинулись в эту «авантюру» впервые. Кстати, в команде была одна девочка, в школе её все звали «Амазонка», милое, но очень серьёзное создание. Участница многих спортивных соревнований, разрядница, она многим парням могла дать фору.

Шли через лес к реке, на знакомое Старшим место. Не каждому просто дался переход по лесу четыре часа. Сразу выяснилось, что рюкзаки надо подгонять и уметь правильно раскладывать, обувь должна быть соответствующей, силенки должны быть не просто портфель носить, а снаряжение походное.

Пришли – берег реки, сосновый лес чистый, черничник... Излучина реки, поляна, небольшой песчаный пляж.

Старший нас построил по приходу и сказал:

– Я старший, я здесь командую, и каждый должен и обязан исполнять то, что я сказал, и ТОЧКА!!! Я должен знать, кто и где находится и что делает, и каждый из вас должен исполнять то, что я скажу! Помните, лично я несу ответственность за всех и за всё, что тут будет! План такой: сегодня я и мой сын дежурные, мы руководим всеми, показываем, что и как делать, и пока общественно—полезные дела по обустройству лагеря не завершены, никто и ничем своим зани-

маться не имеет права! Сейчас мы скажем, кто и чем должен заниматься... Всем понятно?

– Да, да, да...

Действительно, каждому было выдано задание, мало того, было точно рассказано, как и что надлежит сделать: как и какие собирать дрова, как пилить, как колоть, куда складывать – никакого бардака, потом закрыть куском брезента. Как ставить палатки и где, и что для этого надо. Что надо для обустройства кухни – сделать большой стол и скамейки из бревен, как делать кострище, где брать воду, как обустроить умывальник/рукомойник – буквально все для налаживания быта команды на семь дней! Причем, всех предупредили:

– Если кто-то не знает, что и как делать, например, топором дрова колоть, спросите, мы покажем – травм быть не должно, если что-то серьёзное приключится, всем придется свернуться и уходить домой.

Надо сказать, что работа пошла быстро и часа четыре ушло на обустройство лагеря, что недолго, если учесть, что походную жизнь знали только пять человек из двенадцати...

Родители отпустили не всех – в классе у нас было человек тридцать. Мои особенно не сокрушались. Мать и отец дали много хороших советов на разные темы и помогли собраться, благо у нас походного инвентаря было много. Кто-то из родителей пришел провожать своё чадо к автобусу. Проводы были недолги.

Только когда лагерь на все сто был обустроен, Старший и дежурные отпустили нас заниматься, кто чем хотел. Половина ребят побежали ловить рыбу, тем паче, что им было выдано задание обеспечить на ужин жареную рыбу. Кто-то пошел в лес, кто-то на пляж... Я остался с дежурными на подхвате – чистил картошку, бегал на реку за водой. Надо сказать, что костер был устроен профессионально: кострище окопали, притащили валуны и разложили их так, чтобы котелки и сковородки можно было ставить на камни, были воткнуты колы-рогатины для подвески ведра и котелков, а дрова, хворост и колотые поленья были сложены рядом и накрыты. Стол на кухне и скамьи из небольших сухих бревен были сделаны довольно быстро. Над кухней натянули тент на случай дождя, а весь кухонный скarb дежурные разложили на «личный – кружки, миски, ложки» и «общественный – сковородки, котелки, ведра», и продукты. У всего сразу нашлось своё место – я тогда многому научился, а прежде всего порядку и обустройству. Старший учил нас, что всё должно быть рационально и удобно.

Я не жалею, что остался в лагере и мог слушать и внимать рассказам Старшего и его сына. Да, у меня в то время уже был небольшой опыт походной жизни, но как выжить в лесу в одиночку, я не знал...

Через четыре часа после прихода на место был первый обед: отварная картошка с тушенкой и чай с печеньем, после чего кто в палатку пошел, кто продолжил свои усилия с ры-

балкой. Надо сказать, что этот обед для всех был как праздник – столько эмоций!

Работа Старшего не сводилась к указаниям нам – он пытался заставить нас ДУМАТЬ, искать решения...

Не обошлось и без травм. На второй день парень из вторых дежурных, разжигая костер, лушил щепу и хряпнул себе по ноге топором. Криков и стонов было! Половина из нас стояли и ждали Старшего, половина кричали, что надо делать носилки и нести парня в больницу. Пришел Старший, осмотрел рану, принес аптечку, обработал рану, прихватил кожу ниткой в двух местах, сделал перевязку и сказал:

– Сегодня свободен, а завтра на общих основаниях, – и еще раз ВСЕМ показал, как работать с топором.

Были и ожоги рук, ног, губ. Но никто и никуда не бежал, а все принимали первую помощь и терпели. Про занозы и попадание на рыболовный крючок я не рассказываю...

Дежурство по лагерю должны были пройти все. Дежурные должны были готовить на всех сами, обеспечивать лагерь водой, следить за порядком и руководить остальными.

На второй день к нам пришли лесники и милиционер – узнать, кто мы, что делаем, кто старший, как с порядком и костром. Был порядок в то время! Они рассказали, где лучше ловить рыбу, а через день пригнали подводу с сушняком на дрова... Чувствуете разницу с нашим временем?

Забыл рассказать, что мы поднимали флаг нашей «экспедиции», и это было торжественно... Каждое утро все выстра-

ивались к поднятию флага, для которого вкопали длинный флагшток, и дежурный поднимал флаг, все салютовали. Вечером перед отбоем все строились и флаг спускали.

Никто из нас не страдал, что нет смартфона и интернета, сейчас я бы даже оценил это как положительный фактор... У кого-то была с собой книга, кто-то взял карманные шахматы, были шашки и даже лото!

Кто-то будет смеяться, кто-то вообще не поймет, о чем речь, но я видел в своих походах на яхте по Ладоге как люди, приходившие на место, обычно их высаживали на берег с железного корабля или нескольких моторок—рибов, валились на землю, доставали смартфоны и час—два валялись, пытаюсь поймать сеть и сообщить, что они переместились на новое место и как тут хорошо – идиоты, на мой взгляд... Часто я видел такую картину: высадились – и каждый за себя «палатками», то есть один, пара или сколько человек поставили палатку и всё в палатке, типа сухой паёк и общего костра даже нет. Конечно, не у всех такая история. Да что там говорить, рыбу лишнюю мы отдавали туристам – так ни мальчики, ни девочки до возраста лет 27 не знали, что с ней делать, а попытки разжечь костер выглядели комично.

В моё дежурство ничего особенного не было. Помню, варили кашу гречневую, как в рассказе Носова «Каша», но более удачно. Конечно, каши, картошка и тушенка у нас были основными блюдами, а еще макароны—рожки и плавленый сыр «Дружба».

Самым интересным и запоминающимся из похода были вечерние посиделки у костра и обсуждения различных книг про путешествия, фантастику, с большим интересом мы слушали рассказы Старшего о его жизни, походах, случаях на службе, обсуждали всякие таинственные происшествия на море и в воздухе, много говорили о Бермудском треугольнике. Никто не считался со временем и не загонял нас спать в палатки. Этот поход был для нас как глоток воздуха и свободы.

Через неделю мы свернулись и тронулись в обратный путь... Хотя и не было остановки в том месте на дороге, автобус, проходящий мимо, нас подобрал. Как и было оговорено, к 17—18 часам мы приехали, а на остановке ждали своих детей родители, не все, правда. Меня не ждали... Дом мой был в 1-2-х минутах ходьбы, и меня там ждал домашний обед!

Если писать подробнее, книга бы получилась... Могу сказать, что все остались довольны и польза была для всех. Спасибо родителям и учителям!

А нашим одноклассником Андреем Заболотневым мы все гордимся – он был для нас примером мужества и честности, преданности делу и друзьям. Он много сделал для развития вооружения нашей армии и оставался в строю долгие годы, живя без двух почек и продолжая быть центром компании одноклассников, ездил на рыбалку и по грибы. Вечная ему память.

Мой первый поход по воде на реке Мста

Бывают такие слова, места, события, которые раз прозойдя, напоминают о себе потом не один раз. Я вспоминаю это слово и эту реку каждый год, когда мы с Боцманом едем в Приозерск на Ладугу и проезжаем по мосту над той самой рекой.

Всплывает слово «Мста», и не просто слово, а река Мста. Давно это было. Меня, желторотого студента-первокурсника МИФИ, готового завалить всю летнюю сессию, неожиданно берет с собой брат на майские праздники пройтись по бурным весенним порогам реки Мста. Она где-то там далеко под Бологое, на середине между Питером и Москвой, кажется... Для чего он это делает? Чтобы быстрее завалил или чтобы быстрее взялся за ум? Одно могу сказать, забегаая вперед, что все мои одноклассники, увлекшиеся туризмом, в частности, сплавом, заболели этим и были отчислены позже за неуспеваемость.

Брат идет со своими друзьями, профессиональными туристами и сплавщиками, кто-то из МФТИ, кто-то с ФЭС-Та (факультет экономики сосновой тары секретного Королевского ВУЗа «ЛЕСТЕХ»), а меня берут рюкзаки и лодки таскать (это по 20—30 кг упаковка, а нести надо два рюкзака).

зака и упаковку), да насосом баллоны накачивать, ну, еще фото-кино аппаратуру таскать. Так, для справки, я худенький мальчик, но с бородой и длинными волосами, страшный спорщик.

Что помню:

– группа собиралась на вокзале, кажется, на Ленинградском, я лежал среди груды рюкзаков и упаковок в надежде, что кто-то подхватит меня как упаковку и оттащит в вагон

– сели в поезд, заняв собой и снаряжением два плацкартных пространства от окон до окон, выпили, меня засунули на третью полку, а сами стали говорить о чем-то мне непонятном: стишки, про какие-то храмы в далекой Риге, про полеты в космос (как наши бороздят просторы – это особенно успокаивало), кто-то, кажется, будущий профессор, скромно начал говорить про $E=mc^2$, но его оборвали и достали карманные шахматы, ещё налили...

– куда приехали, как выходили из поезда, как доехали до берега – не помню, не видел, не делал, не...

– очнулся, мы уже на берегу, все шмотки разбросаны, бардачищааа... и я среди всего этого

– «Ну что, очнулся? На, глотни, и иди качай лодку», – мне дали солдатскую флягу с чем-то ну очень нормальным, и дело пошло, споро так пошло... Я тут же сказал каждому, что он должен делать, ну и сам, засучив рукава, качал, собирал, носил, увлеченный общим движением

– народу вокруг немерено, все лодки собирают, шмотки

в них укладывают в гермо-мешках, а мешки тогда все сами делали из красной детской клеенки, народ торопится, а я никак не могу понять, зачем? Мне приятель брата разъясняет: вода весенняя может закончиться, пороги оголятся, потока не будет и весь интерес пропадет – блин, как она может закончиться?

– у нас один экипаж смешанный – парень с девушкой на байдарке, а второй – мой брат, его приятель и я на «утюге», это «ЛАС-7» старого образца

– собрались, перекусили, кажется, макаронами с тушенкой, запили все это как следует из фляг (чтобы не околеть среди ледяной воды), столкнули лодки. Запрыгнули и вперед, по «бурному весеннему потоку к порогам»

– «байда» пошла вперед, им надо два гребка сделать, а нам на «утюге» десять и все в поту, приятель впереди сидит, а брат сзади – учат друг друга, как надо грести, а мое дело киноаппаратом работать и фоткать

– «байда» идёт, словно в танце легковушка, ухабы объезжает, а мы утюгом воду, пороги и вообще реку спрямляем и сглаживаем – валим себе спокойно, а я снимаю для истории, настроение у меня отличное – ни напряжений, ни понуканий, а эти все про гребки говорят...

– к вечеру подошли к «большому порогу» и пошли без просмотра! «Байда» воды набрала и стала тонуть, наши не растерялись и быстро так к берегу сушиться, а по берегам снег лежит, вообще температура +3—5⁰С

– самое интересное случилось, когда мы догнали перевернутые байдарки: народ на них залезает, руки к нам тянет, а я снимаю, как профи что ни на есть, а мои упражняются в слазуме между лодками...

– не переживайте, всех спасли и сами спаслись

– вылезли на берег, шмотки вытащили из лодки, а они все мокрые, сами мы мокрые, товарищи наши тоже мокрые, дождик моросит, холодает и темнеет

– поставили лагерь, костерчик сделали, жарку стали готовить, но все это под впечатлением от «большого порога», эмоции, все возбуждены, адреналин играет, пьем из фляги («коленвал» – самая дешевая водка по 2 рубля 87 копеек, перелитая во флягу. Без того, чтобы занюхать носком, не выпьешь).

– не помню, удалось ли поесть, но ночь наступила, «вызвездило», похолодало, спать хочется, но как в мокрой одежде залезть в мокрый спальник в мокрой палатке на холодной сырой земле???

– вот тут и пошло (легли, вылезли), сидим у костра и стучим зубами, брат с приятелем спорят: «А слабо ночью по большому порогу?», «А слабо в одиночку?», «А на чем, на утюге или на байде?»

– зацепило, схватились за лодки порог обносить, уже прошли метров сто вверх, насилу успокоили ребят: «Пошто мокнуть за зря, у нас ведь еще есть!»

– добавили, адреналин так и бурлит, а мне, если честно,

все это поднадоело, спать охота

– утро и день помню смутно, если бы потом кино не смотрел, которое отснял, так бы и не узнал, где был, что делал, но прикольно было – движуха, рожи мелькают, брызги летят

– через день мы пришли к мосту, вытащились, собрались, погрузились в автобус, а может, в грузовик, не помню – у нас ведь было, и до поезда помню еще, как в вагон залезали, и третью полку помню

– в себя пришел только на зачетах.

Помню, у нас была пара преподавателей, они и лекции читали, и семинары вели, страстные туристы-водники и альпинисты. Если от студента костерком пахло – свой, партизанский, – шансы повышались.

В лучах заката стоит статуя, а...

А с кем еще такое могло произойти, если не со мной?

На четвертом курсе МИФИ мы поехали в строй отряд строить КАМАЗ. Поселили нас в только что построенной школе. Школа представляла собой четырехэтажное здание колодцем. Во внутреннем дворе в середине был квадратный постамент, то ли трибуна для проведения линеек и ленинских чтений, то ли лобное место...

Две женщины, директор школы и представитель ГОРОНО, оставляя нас наедине со школой, попросили робко:

– Вы уж старайтесь школу не развалить, берегите... (и еще, совсем так скромно и стесняясь) у нас во дворе квадратный постамент – нельзя ли поставить на нем скульптуру какую? Детей надо приучать к прекрасному, а у нас тут пока нет ни художников, ни скульпторов, а вы, студенты, народ затейливый, талантливый, может, что и получится, вы уж постарайтесь...

Известное дело, студенты народ затейливый! А МИФИ-сты еще и системны, нравственны, реалистичны, ответственны!

Прошло недели две – народ втянулся в работу, появились силенки и свободное время. В очередной вечер командир отряда и говорит:

– Ребятки, давайте думать, что делать со скульптурой, ко-

торуую нас просили сделать. Кто тут у нас по художественной части, есть художники, скульпторы?

– Есть, есть, – закричали МИФИ-сты.

– Так, хорошо! А что будем ваять? Давайте тематику определим. Кого прославлять-то будем? Может, что-то символичное? В духе соцреализма, так сказать...

После долгих споров и обсуждений было решено увековечить в БЕТОНЕ героя анекдота «В лучах заката стоит статуя...». Почему сделали такой выбор, я до сих пор не понимаю.

Начали рисовать эскизы, выдвинули ответственных, скульпторов и подмастерьев, работа пошла...

В качестве материала выбрали армированный пенобетон. Высоту статуи решили сделать до уровня окон третьего этажа (выше было уже и самим страшно). Через четыре недели состоялось неофициальное открытие статуи/монумента, на которую были приглашены начальник СМУ и Главный Инженер, наши кураторы, бригадиры и художники-строители...

Надо сказать, что на КАМАЗе был сухой закон, но руководство стройотряда решило отправить гонца в соседний район за шмурдяком, поскольку показывать и вообще открывать столь эпохальное «сооружение», да еще в стиле соцреализма, невозможно без создания предварительно соответствующего настроения с расслабленным и продвинутым взглядом на вещи...

Нельзя сказать, что мероприятие прошло на ура – оно просто вызвало фурор и бурю эмоций... поползли слухи. В наш отряд потянулся народ, любивший поглазеть на искусство, на скульптуру. Мы стали героями, наша известность росла. Появились «левые» заказы.

Тянулись недели, после каждого принятия пищи в нашей школьной столовой все выходили поглазеть на «соцреализм» монументального характера (Вучетич отдыхает), обмениваться мнениями по поводу достоинств и недостатков фигуры и отдельных её частей...

Припоминаю, как командир, затянувшись сигаретой, прищурил глаз и, выпуская дым, сказал основному творцу:

– Дааа, братец, думается мне, что вот это нам и засунут в задницу, когда придут принимать школу...

– А чего тут такого, все как просили – «скульптуру какую», то и сделали, пусть приобщаются к прекрасному.

Настал день триумфа и расплаты одновременно. Пришли все те же, да еще с представителями райкома, директор школы и представитель ГОРОНО.

Конечно, всем понравилось, как мне думается, но что тут было... Нам было велено немедленно снести скульптуру. Главный скульптор бился в истерике: «Ну как же, «выставку бульдозерами!»».

Снесли... Скульптуру разобрали на части. Все, кто желал, брали фрагменты на память. Мне достался фрагмент руки – кисть, сжатая в «фигу». Эта штука до сих пор стоит у меня

на даче на большом пне посреди газона и обращена к дороге – «здравствуйте, дорогие гости!».

Когда я улетал с КАМАЗа, а так получилось, что отдельно от отряда, в аэропорту меня спросили:

– А что у Вас в рюкзаке?

– Фрагмент скульптуры.

– Покажите...

– Что это такое...?

– Соцреализм...

После этих слов я чуть не стал диссидентом и врагом народа, меня посадили в КПЗ и только после звонка моего отца соответствующему чину меня выпустили, сказав:

– Соображать надо, что в рюкзаке возить.

«Фигу» я достаю и ставлю на пенек не часто, по праздникам. Сажу на веранде с чашечкой чая, люблюсь на нее, вспоминаю ту скульптуру, и, прищуря глаз, думаю:

– Хороша была bestия, народу нравилась, чувства патриотические и другие вызывала, духу времени соответствовала.

Больше бывайте на выставках современного и не очень искусства, и не такое увидите, теперь ВСЕ можно...

Последнее испытание

Это был завершающий этап подготовки – нас выбросили в тайгу, чтобы мы прошли маршрут из А в Б, маршрут на выживание в движении, с минимальным снаряжением и максимально возможной быстротой передвижения.

Что нам предстоит, мы узнали на месте, когда открыли пакет: 500 километров за десять дней по тайге, слава Богу, у нас были навигаторы с подробной картой и просто бумажные карты.

Нас было пять человек. Ранее мы не были одной командой, но, бывало, пересекались. Как потом поняли, один из нас был инструктором, мы его меж себя прозвали «другой», но обращались к нему просто «Александр», а мы четверо были подопытные и сдавали экзамен на пригодность.

Все были экипированы одинаково: трусы и майка камуфляжные, тельник, носки обычные и теплые толстые туристические, х/б толстая офицерская камуфляжная полевая форма, туристические добротные ботинки с высокими голенищами, перчатки, дождевик типа плащ-палатки из тонкой пленки прочной, индивидуальная спецаптечка, фляжка со спиртом и фляжка с водой, нож выживания, топор, мачете или палаш, набор универсального инструмента в одном наборе, котелок солдатский, кружка, ложка, пак на пять дней, рюкзак, надувная ёмкость, веревка альпи-

нистская 35 метров, три пары костылей с карабинами альпинистскими, обычный туристический полиуретановый коврик, минимальный набор рыбака/охотника, соль, спички – кажется, всё...

На место нас доставили вертушкой часам к 8 утра. Опускались на поляну мы по тросам, как в кино... с 30 метров страшно. Вертушка сразу ушла, а мы сели в круг, думая, что это чуть ли не главное испытание. Открыли пакет, который нам вручили при высадке и ОФИГЕЛИ, честно... Такой переход по тайге! Активировали навигаторы – теперь мы где-то на экранах оператора, это и напрягает, и радует, что ты не брошен – к этим мыслям мы возвращались потом, и не раз. На проработку маршрута на первый день ушло минут двадцать, разбежались на пять минут по своим делам, собрались, определили, кто за кем идет, и начали отмерять метры и километры...

Лето, слава Богу, июль, жарко, полно всякой нечисти, летающей и ползающей. А небо голубое, ни облачка, ветра нет, запахов и кислорода столько, что голова кругом – просто курорт, ложись и отдыхай после перелета.

Уже к середине дня мы четверо поняли, что пятый не наш, возможно, инструктор, хоть он молчал и следовал нашим решениям. В начале у нас не было старшего, но потом мы сами поняли, что он нужен, и мы сами его определили согласно правилам. Старшим стал Борис – парень крупного телосложения, спокойный, рассудительный, твердый, с быстрой ре-

акцией на обстановку. Он мог поддержать и дать совет, пояснить, помочь, настоять, обосновать, и делал он это спокойно, у него почти не было эмоций, только улыбка и смех на шутки. Борис шёл первым. А вот пятым, как-то само собой получилось, шел Другой, Александр — у него вообще не было эмоций, он говорил только когда спрашивали, все исполнял как автомат и все молча, мы его потом трактором стали звать.

Задачей пока было двигаться максимально быстро, обходя все сложные препятствия, могущие нас задержать и измотать.

За Борисом следовал Ваня — самый маленький по росту, но парень крепкий и выносливый, вспыльчивый шутник, крепкий хозяйственник.

Нам приходилось то быстро идти, то бежать, то продирались через препятствия. Первым приходилось махать мачете, часто прорубая дорогу для остальных. Я и Женька, которого сразу прозвали Жекой, шли, постоянно меняясь местами на 3—4 местах. Я шёл молча, а Жека постоянно травил анекдоты, за что получил несколько замечаний от Бориса. Первоначально был такой режим: двигаемся 3—4 часа и 30 минут перерыв на отдых и перекус, но потом перешли на движение 1—2 часа и отдых 5—10 минут. Кроме этого, стали менять пары, то есть заменять тех, кто шел первым и махал мачете. Надо ведь было не просто идти, а выкладываться, соблюдая график. Уже к концу первого дня стало яс-

но, что выдержать требуемый темп и график будет крайне сложно.

Тогда мне казалось, что это трудно, но сейчас я думаю, что это ничего не сказать... Одежда и обувь быстро намокли и покрылись грязью. Нам почти постоянно приходилось что-то преодолевать, и чисто внешне мы уже полностью сливались со средой.

К темноте встали на отдых. Будет ночевка или просто отдохнем – пока было еще не понятно. Мы сбились в кучу, наткаясь друг на друга, когда Борис встал и сказал на выдохе: – Всёёё, приииивал.

Каждый рухнул там, где стоял... Я лежал и вслушивался в шум леса, шорохи листвы, затихающее пение птиц, треск сушняка под чьими—то лапами. В ушах гудело, в висках стучало, какое-то мгновение – и я отрубился, просто уснул.

Очнулся я минут через 15—20 от разговора Бориса и Александра, они сооружали костер и таскали дрова. Спящих подняли. Самого бодрого – Александра – Борис отправил в охранение, а мне, Жеке и Ване дал разные задания по обустройству лагеря и подготовке ужина (уже было принято решение, что это место ночевки). Для первой подготовки ужина у нас был полный набор продуктов. Вообще считалось, что первый день очень тяжелый, потом народ должен втянуться, а вот последние два дня очень тяжелы, и наши пайки это предусматривали. Естественно, считалось, что ловить рыбу, охотиться, собирать дары леса не возбраняется – а без этого

можно было бы сдохнуть.

Стемнело. Ужин был готов. Мы сели у костра и быстро поели – рис на тушенке, воды почти не было, только в индивидуальных фляжках, хорошо, что к вечеру в ручье пополнили запасы.

Меня направили сменить Александра. Найти его было делом непростым в темноте, хоть я и выждал минут пять, чтобы привыкли глаза. Если честно, если бы он не зашипел, я бы сразу и не заметил. Александр мастерски подготовил секрет, заметить его просто идущим следом за нами было бы невозможно. Под корнями огромной поваленной сосны он был защищен со всех сторон, а единственный удобный путь к нашей стоянке проходил у него под носом...

– Леш, продержись час—два, потом придет смена.

Ночь, темнотища... Но глаза привыкают быстро и начинают различать что-то вокруг, но без деталей. В навигаторах у нас есть функция радиостанции и кнопка тревожного сигнала. Зарядка на солнечных батареях, пленочного типа, встроенных в одежду и шапку. Самое противное, это когда кто-то куд-то заползет... Лежать удобно и тепло, хоть и одежда, и обувь влажные. Как нам повезло, что это июль... Чтобы не заснуть, один из корней я изогнул и зацепил за губу, как только я начинал клевать носом, губу оттягивало... О чем я думал? Не помню, вслушивался и боролся со сном. Скоро меня пришел сменить Ваня, и я отправился спать – дошел до костра, подложил два полена, лег на свой коврик

с лапником, и все.

Летом ночь коротка. С рассветом поднялись, 15 минут на личные дела, на маршрут, на сборы и вперед – завтракать решено часа через три.

И так прошло семь дней – просто нудная тяжелая работа без особых приключений, которая нас изрядно вымотала. Мы даже разговаривать перестали, берегли силы...

Вечером у костра, а встали мы на два часа раньше обычного, стали обсуждать, что делать – мы отстали от графика на два дня, а может в итоге получится и на три. У нас накопилась усталость и появились травмы, а впереди были трудные участки с форсированием нескольких водных преград и большое болото – все это уже не позволяло рассчитывать на приход в точку Б в заданное время. Борис обвел сидящих кругом бойцов и спросил: «Какие будут предложения, мысли есть?». Все тупо смотрели в экраны навигаторов, изучая карту... Молчание длилось минут 5—7.

Александр сказал: «Я третий год летаю тут на вертушках с группами и помню, что на большой реке, при её слиянии с мелкой, на косе, на песке, уже три года лежит надувная лодка с мотором, вроде с воздухом. Нам трое суток идти вниз по рельефу к конечной точке, а по мелколесью дневной переход – и мы у косы, там или лодка, или строим плот и спускаемся, на лодке можем успеть, с плотом будут сложности. По карте видно, что направление движения надо изменить на 78^0 , река делает большую дугу, но появляется шанс – на-

прямую идти мы не успеваем».

– Точно, смотрите, там на косе крестик стоит, а в пояснениях написано, что брошенная лодка в неизвестном состоянии, – ответил Жека.

– Какие мнения еще есть? – спросил Борис.

– Наверное, это единственный шанс, – отозвался Ваня.

Мы с Жекой согласились. Было решено «трубить отбой», а вставать раньше. Маршрут в навигаторах мы перестроили, поизучали карту, съели по банке тушенки на двоих и отрубались. Заснулось как-то легко, без обычного груза от того, что план опять не выполнен и отставание от графика растет – есть новые цель и надежда, это важно.

Светало. Поднял нас Александр и сразу предложил устроить плотный завтрак:

– Меньше нести, а там на реке поймаем рыбу. По карте скоро ручей, предлагаю ударно поесть тушенки и напиться водой, через час-полтора пополним запас воды.

У Вани были серьезные раны на руках и ногах – он упал на склоне на камни и налетел на ветки высохшего дерева. Пришлось обработать раны спиртом и наложить новые повязки.

То ли настроение лучше стало от появившейся надежды, то ли идти под уклон было легче, но двигались мы быстрее обычного и уже часам к шести вечера были на месте. Еще с отвесного берега мы увидели косу и лодку на песке и... побежали вниз – дико, но это так.

Лодка была почти полностью сдута, к транцу был прикреплен мотор «Джонсон» с еще белым капотом, в лодке был пластиковый бак на 20 литров, а в нем бензин, литров 15, там же валялась и «лягушка». Один борт пружинил воздухом, а другой был пуст.

– Е....., смотрите, тут пулевое отверстие, – воскликнул Жека.

Оказалось, что один баллон пробит навылет пулей, видимо, стреляли с берега, сверху. Слава Богу, пуля оставила отверстие с ровными краями...

– Пипец, будем строить плот, разбиваем лагерь вон там под прикрытием берега за камнями, начинаем искать нужные деревья из сушняка, – сказал Борис.

На лицах было такое разочарование, народ матерился, давая выход эмоциям (понятно, что ни клея, ни заплат у нас не было, главное, клея...). Я вспомнил детство. Отец с мамой были страстные рыбаки, и отец как-то привез домой списанную надувнушку «ЛАС-7». Так вот, у неё в ремкомплекте были такие конусные затычки с винтовой резьбой для быстрого затыкания проколов, и я вызвался попробовать сделать такие затычки. Главное было подобрать правильный диаметр, чтобы материал растянулся, но не начал рваться, а натяг был достаточным, чтобы травление давления не было быстрым. Все согласились.

Жека я поручил делать четыре весла, как у каноистов, а сам занялся изготовлением затычек. Наверное, нам Бог по-

могал, через час я уже вкручивал в пулевые отверстия деревянные затычки, они были конусные и в нужном месте имели кольцевую проточку. С серьезным усилием удалось затычки установить, и мы, переполненные эмоциями, начали накачивать борт – УДАЛОСЬ!!! Пробитый борт поднялся, мы поливали водой затычки, было видно, что пузырьки идут, но борт стоял... Подкачали другой борт – нормально, он держит, подкачали дно, но оказалось, что оно протерто о песок и камни и не держит. Мы вытрясли песок из лодки и поставили ее на воду, засекали время... Я открыл капот мотора: обычный двухтактный с двумя цилиндрами – инструмента в лодке и рядом никакого. Вдруг Жека увидел, что на песчаном дне что-то блеснуло – когда мы мыли и трясли лодку при перевороте, потеряли свечной ключ и универсальную отвертку – УРА! С нами Бог! Промыли из-под капота всю грязь и песок, вывернули свечи и провернули вал за пускач. Блин, крутится. свечи промыли спиртом, вкрутили, ну, все как обычно и стали дергать, и о ЧУДО, двигатель пару раз чихнул и пошел – это был пипец, лодка на воде, мотор завели. Все сбегались, обнимались, смеялись... Это был момент счастья, первого за поход и быстрого как допинг.

Один борт, похоже, держал воздух, а второй требовал подкачки каждые 20—30 минут – хоть что-то...

Мы с Жекой доделывали весла, Борис с Александром ловили рыбу, а Ваня занимался лагерем и разогревал камни, специально уложенные для готовки рыбы. Всем кроме Вани

удалось искупаться, а Боря смог поймать двух большущих рыб (по 2—3 кг каждая, каких — не помню, но пригодился набор рыбака). Лодку мы перенесли к костру.

По такому случаю мы все решили разрешить себе принять дозу. Настроение было отменным. Разговоров было... Несли такое... Воодушевление и радость. Сон у всех был великолепный, без тревог и печалей, но под утро пошел дождь.

Небо было серым, с клочковатыми тучами, поднимался ветер, не до костра тут. Лодка лежит наполовину спущенная — угнетающее зрелище. Подкачали, отнесли к воде. Последнее совещание.

— Алексей, как думаешь, на моторе сколько пройдем? — спросил Борис.

— Думаю, разгонимся до 10—15 км, нас-то пятеро, а лодка маловата, мотор слабый, четверка, но зато расход у него около литра в час, значит, на этом бензине можно пройти около 150 км. Подкачивать надо будет постоянно на ходу, — ответил я.

— Думаю, что надо помогать веслами, двое гребут, двое отдыхают, Ваня на моторе. Алексей, покажи все и сядешь рядом... И еще, надо всем достать и надуть воздушные ёмкости, ко всему надо быть готовыми, — велел Борис.

Все приободрились, отвели лодку поглубже, где по колено, и стали усаживаться, я завел мотор и показал, что и как. Ваня устроился в самый угол. Когда все сели, лодки и не видно было за нами.

Поехали. Постепенно набрали скорость такую, чтобы не рвать мотор и лодку, и не заливать ее водой, передние стали пытаться грести, приноровиться было сложно. Вода снизу, вода сверху, но мы идем по воде, как и спланировал Александр.

Первые восторги прошли. Лодку надо постоянно подкачивать, и этим занимаемся я и Жека – мы сидим сзади, а Борис и Александр машут веслами, и мы все в такт им качаемся вместе с лодкой. Дождь усилился, начало холодать, стало зябко сидеть в мокрой одежде – и что мы не догадались сразу надеть дождевики??? От Бори и Александра пар валит – они машут веслами, а мы греемся только лягушкой, Ваня вообще сидит скрюченный. Все монотонно. Вдруг Боря орет: «Сворачивай вправо!». Ваня как двинет ручку, и Боря, сидевший на левом борту впереди, улетел за борт. Мы еле разошлись с огромным сучковатым стволом дерева... Я выдернул чеку, мотор встал, и мы на веслах пошли подбирать Бориса. Влезать в лодку он не рискнул, и мы так его и дотащили до берега, где он уже сам вышел. Причалили.

Пока Борис отжимал одежду, мы с Жекой выливали воду из лодки, потом все отжимали мокрую одежду, мы с Жекой достали дождевики. Дождь все моросил, и так весь день. До ночи обошлось без приключений, но через 12 часов бензин кончился... Мы пристали к берегу, аккуратно спрятали мотор с баком и пошли дальше только на веслах. Было принято решение на ночевку не вставать, а идти всю ночь, бла-

го по течению, работая веслами парами. Ели все, что осталось, рыбу решили ловить уже на подходе к месту, хотя Ваня взялся тянуть за нами блесну. К ночи дождь закончился, небо прояснилось, стало холодать, появился туман. Радовала луна.

Ваня смотрел на карту в навигаторе и говорил, сколько прошли и сколько осталось. К утру десятого дня стало ясно, что на место мы попадем к концу дня, даже не упираясь...

— А нас, наверное, отслеживают, нас там встретят? Ой, переоденемся, поедим чего—нибудь и на базу, в баньку... — сказал Жека.

— Там нас ждет ящик, в нем пакет и маяк, — ответил Александр.

— Какой еще пакет, нам этого хватило! — изумился Жека.

— В пакете инструкция, что нам делать, а маяк активируется, если мы не можем исполнить инструкцию... — пояснил Александр.

В лодке повисла тишина, настроение улетучилось, но никто не ругался, просто молчали. Никто не махал веслами, лодка шла по течению, её поворачивало вправо — борт спустил, надо было подкачать, но я сидел и недоумевал — что же они еще придумали? Счастье ускользало...

— Что, Жень, баня накрылась, опять яйца мочить в холодной воде, да?!! — пошутил Ваня.

Все заржали, и пошли шутки... Боря с Александром замахали веслами, а я начал подкачивать борт. Ваня не унимал-

ся: «А Леха-то у нас главспец по затычкам, обращайтесь, кому вставить». Опять все заржали... Солнце начинало припекать. В который раз солнце высушивало на нас одежду, чего нельзя было сказать об обуви – десять дней в мокрых ботинках, на ноги было страшно смотреть...

Пункт назначения, точку Б, мы увидели издали – песчаная коса, утес с геодезическим знаком. К трем после полудня подошли. Лодку вынесли на песок, разделись и пошли купаться, вот радость! Прополоскали одежду, разложили ее на лодке и развесили на веревки между воткнутыми колами. Александр сходил к Геодезическому Знаку и принес небольшой ящик, поставил его на песок, все встали кругом – мы были похожи на пиратов перед кладом или перед сундуком, где лежит карта с указаниями места клада.

Мы боялись открыть ящик. Там был спутниковый телефон, фляга спирта, десять банок тушенки, и... две буханки черного хлеба!!!

– Надо выйти в эфир, и в течение суток придет вертушка, – сказал Александр.

– А может, ну её в баню эту базу, останемся на 2—3 дня, рыбу половим? – спросил Ваня.

И тут такие танцы с бубнами начались, каждого по очереди поднимали на руки.

Счастье вернулось и было с нами до прилета вертушки...

Давненько я такой непогоды не видал...

Как всегда, выходные мы на даче. В этот раз я приехал с полной решимостью испытать мотопилу и поэтому, как только растопил печку (терпеть не могу центральное отопление), взял пилу и пошел к огромному стволу березы, который дожидался меня с прошлых выходных, притащенный трактором. Разложил все и присел на пенек насладиться тишиной перед «боем».

Небо, все в тяжелых тучах, придавило все и заставило молчать. Была полная, гнетущая тишина – ни скрипа дерева, ни дуновения ветерка. Как моряк, я подумал, что такие затишья бывают только перед бурями или сильными штормами, но идти смотреть барометр и проверять свою догадку не хотелось. Насладившись тишиной и мыслями о море, я встал и взял в руки пилу, в этот момент каркнула ворона и вспорхнула с ближайшего дерева. Я дернул за стартер, и пила сразу отозвалась злобным рычанием с дымом из глушителя, но постепенно, набирая обороты, бодро зарокотала. Через час со стволом было покончено – он превратился в кучу пеньков, некоторые из которых были в диаметре под метр. Цепь пилы была окончательно затуплена, а пила так устала,

что еле фырчала последние несколько заходов.

За время битвы с березой я и не заметил, как пошел дождь и поднялся сильный ветер, все чаще приносящий снежные заряды. В руках зуд, в ушах звон, я и все вокруг в опилках, в воздухе стоит смесь стойкого моторного выхлопа мотопилы и пьяный запах лежалой березы. Я присел отдохнуть. Тут подошел соседский мальчик Пашка.

— Дядя Леша, помочь?

— Чего? Тебе лет—то сколько?

— Мне уже шесть лет, я могу пеньки к навесу перекачивать.

— А ты сможешь? Я сам тут пробовал поднять вон те толстые, так оторвать от земли не могу...

— Так круглое надо катать, я буду стараться, и вообще мне дед сказал пойти посмотреть, что тут за шум и надо ли помочь.

Этот парень стоял передо мной в ветровке, надетой на обычный летний спортивный костюм и в детских сапожках, на голове у него была бейсболка козырьком назад, уже вся мокрая.

— Давай так: вон там самые тонкие пеньки, ты начинай с них, а я начну с другого конца, а можно и на завтра отложить...

— Нет, до завтра нельзя оставлять, все намокнет, а сегодня есть еще время и поколоть.

— Ты и колоть можешь?

– Нее... колоть не могу, но я могу таскать полешки. Мне дед сказал, что надо закаляться и тренироваться, и что пока человек работает, ему холод и дождь не страшны.

Я вспомнил слова своего отца, в точности похожие на эти, и свою дочь, которую мы стали закалять с девяти месяцев, а с трех лет отдали в спорт, как водили ее в «Группу здоровья Никитиных», и пошел таскать и катать.

Тем временем ветер стал усиливаться и завывать, лес рядом уже стонал, нас поливал дождь, постепенно переходящий в снег. От навеса нас отделяло 10—15 метров, а колоть на месте было нельзя – размокшая глина под травой испортила бы нам все дело. Пашка, видимо, уже не в первый раз, ловко управлялся с пеньками. Когда мы закончили катать и таскать, уже стало темнеть...

– Паш, спасибо тебе, беги к деду, ты весь мокрый...

– А можно я здесь костер разведу? Вы ведь колоть будете, можно будет погреться, а я буду помогать дрова колотые складывать.

– Меня дед твой убьет!

– Нет, он только рад будет, что я тут пашу в таких условиях, он ведь у меня «десантура»!

– Ладно, давай...

Я начал колоть пеньки на полешки и думать о том, что в свое время мы вынуждены были заняться закаливанием дочери после того, как ее заразили при родах стафилококком... Сначала мы занялись с ней плаванием с трех месяцев до го-

да, кажется, ездили в походы с ребенком с двух лет и жили в палатке на берегу озера по 2—3 месяца!

Тут мои мысли прервал Пашка:

– Дядя Леша, иди грейся, а я пока буду таскать.

Костер горел нормальным пламенем, немного дымя под дождем. Я присел на пенек и стал вспоминать, как мы отдали дочь в три года в «Группу здоровья Никитиных», модную тогда продвинутую группу оздоровления и воспитания детей, чего явно не хватает сейчас. Там дети и взрослые, кто выдерживал, в одних купальниках занимались спортом в зале и на улице, обливались холодной водой, а зимой еще бегали в таком виде и босиком по снегу на стадионе до температуры —15—18⁰С! Четыре часа занятий два раза в неделю по выходным. Эффект был поразительный – никто не болел простудными или вирусными заболеваниями, все серьезные заболевания, у кого какие были, отступали. Дети развивались намного быстрее своих сверстников. В группу входили все желающие. Об этом опыте много писали и говорили в СМИ и на ТВ, появлялось много последователей. Но наступила перестройка и здоровые дети нам стали не нужны, в этом плане отменили все, что только можно. Теперь мы видим хиляков, кашляющих и размазывающих сопли, чуть что. Характера нет, одни капризы и кучи лекарств, дающих осложнения.

– Дядя Леша, я все перетаскал...

Я поднялся, гремя своими костями, и пошел колоть дрова дальше, а Пашка сел к костру и стал подкидывать дрова.

ва. Дождь сменился снегом, который переходил в метель и буран... Ванты телевизионной антенны, что стояла у меня на крыше, прикрученная к восьмиметровой мачте от парусной доски, свистели и вибрировали. Антенна давно не работает, но лезть на 14-ти метровый конек четырехскатной крыши я уже опасаясь. Полностью стемнело, и мы работали в лучах уличного освещения и свете костра, отбрасывая длинные тени.

Подошел «Василич» – дед Пашкин, поздоровался со мной, спросил, чем помочь, и пригласил в баньку. Стал расхваливать Пашку, что не сидит без дела:

– Два года назад мне пришлось забрать его у родителей, сын не возражал, жалко парня было – постоянно болел, две недели в месяц, то простыл, то вирус, то просто сопли. Такие проблемы с ним были, слабак и дохляк, все за мамину юбку держался. А теперь ничего, вот живу с ним второй год на даче. Занимаемся делами, тренируемся, закаляемся, и не болел ни разу за это время. На парня стал похож, бодр и весел, и этим городским хиллякам сто очков вперед даст по всем вопросам... Многому научился и думать стал по—другому.

– Ну, с таким боевым дедом, как Вы... Спасибо Вам и ему большое, помогли. Мы вот тоже одно время дочь и закаливали и спортом с ней занимались, и результат был отличный.

– Нынешнее поколение нежизнеспособно, сами хилляки и родят хилляков и больных – в армии служить некому. За деньги служить-то будут наемники, а умирать не пойдут

за нас. А пошлют таких Родину защищать – полягут. Сейчас родители считают, что если их ребенок «комп» освоил и играет на нем в стрелялки, то он и на улице или на поле боя будет так же ловко стрелять – трупом он там будет. Сегодня многие стали полуживыми, и наследство у них будет соответствующее. У меня соседка по даче детский врач со стажем – говорит, что нынешние дети все больны, да не просто, а уже и на генетическом уровне многие, что у них такие болезни, которых раньше у детей и не было. А родители этого не понимают, им бабки делать надо, тусоваться и быть успешными. Вот я Пашкой и занимаюсь, и он больше не болеет и умнее всех своих сверстников. А родители, если бы они сейчас его видели, с ними бы истерика была, да они и сами-то постоянно болеют.

Снег повалил такой, что работать дальше не имело смысла, да и все тело у меня ныло и стонало. И мы пошли париться. Когда стали раздеваться, выяснилось, что мы промокли до костей! Банька и чай с мятой сделали свое дело.

Придя домой, я сразу пошел посмотреть барометр: стрелка стояла на 730 мм. рт. ст. и продолжала падать, и уже через час барометр показывал 720, шел буран, ветер и снег пытались все порвать и разбросать. Уличные фонари были еле видны, в лесу с треском падали деревья. Ветер наметал сугробы. Потом свет отключили – это из-за ветра, такое бывает. Я вспомнил ночь в Мраморном море, когда мы в шторм шли вдоль берега по глубине 9—10 метров и ориентирова-

лись на огни дроги, что шла вдоль берега, а потом ветер усиливался и свет на берегу на время вырубался, потом включался, и так продолжалось, пока мы не дошли до строящейся марины.

К утру давление упало до значения 705 единиц – такого я не припомню. Ветер все усиливался, снег стал сменяться дождем. Я с трудом, так болело все тело, оделся и пошел дальше заниматься дровами. Через пол часика подошел Пашка.

– А мы с дедом с утра пошли в лес и попилили то, что ночью попадало, а потом на тележке вывезли к себе под навес. Нам теперь на всю зиму хватит.

– А вы здесь всю зиму будете?

– А что, у нас все есть: и книги, и учебники, и Интернет, и вообще все... Будем, конечно, иногда ездить домой, в цивилизацию.

– Спасибо тебе, я справлюсь тут сам, а ты иди, промок весь вон.

Пашка был одет как вчера и стоял весь мокрый и улыбающийся, а на улице +2⁰С.

К 15:00 ветер немного скис, а давление поднялось до 715, облачность приподнялась, разорванная ветром, прорвалось солнце...

Закаляйте своих детей и внуков, если не хотите испортить им жизнь и создать себе проблемы.

Лагерь на Жижице – наша полиэтиленовая дача

Нет ничего лучше случайных встреч со старыми знакомыми и друзьями, с которыми давно не виделся. Тут такие откровения можно высказать или услышать, такое вспомнить – мама дорогая...

Удивительно, но увиделись мы, стоя в одной очереди – а разве бывают сегодня очереди? Разве стоят в очередях генералы, да бывшие начальники Московской региональной таможни? Невероятно, но факт! Тут, конечно, кто-то скажет: это что такая за очередь, чего такого дают, если генералы стоят?

Раньше мы встречались на берегу Жижицкого озера, где отдыхали семьями и стояли большими лагерями, а иногда еще на юбилеях. Обрадовались, бросили очередь и углубились в воспоминания...

Было время, конец времени СССР и начало перестройки – конец прошлого века, 1986—2000 годы. Я тогда с семьёй ездил в Псковскую волость, Великолукский район, на Жижицкое озеро вблизи деревни Спичино.

Удивительные места: песчаный пляж в три километра дугой с дюнами и кривыми соснами среди мха. Там мы и устраивали свои лагеря – мы это москвичи и питерцы – любители

парусных досок и катамаранов, грибов, ягод и рыбалки, да глухих безлюдных мест вдали от цивилизации. Само озеро – это блюдце диаметром 11,5 километра с постоянным почти ветром западных направлений – от заката, средней глубиной пять метров и постоянно теплой водой 22—26⁰С.

Через 4—6 дней после приезда и установки лагеря к нам «вся живность в природе привыкала» и уже заходили утки на чай, а местные боровые птицы развлекались, скатываясь с конька палаток по полиэтилену, как мы с горок зимой, ежи наведывались и белки пробегали. Вдали от нас на водопой приходили лоси.

Постоянный шум прибоя и крики чаек, как на море. Единственное, что связывало нас с цивилизацией, был магазин сельпо и почта в деревне в 5—7 км от озера, куда мы ездили за хлебом – больше ничего практически не покупали, все везли с собой.

Незабываемое ощущение вечности – эти магазин и почта, казалось, что они стоят вечно с времен царей, под стать им и строения вокруг.

На хуторах были дома, крытые дранкой, с земляным полом без электричества – лучины, печка...

Но люди какие были, старики, бабульки и их взрослые дети – все неопределенного возраста – морщины на их лицах и спокойные, застывшие на месте под нависшими веками глаза передавали всю тяжесть пережитого и испытанного, так типичного и привычного для них в этих лесах и болотах,

где еще оставались окопы и оружие времен ВОВ, да останки бойцов лежали тут и там.

На почте мы отправляли письма на «большую землю в Москву» и получали «до востребования», делали мелкие покупки да иногда звонили по телефону, делая заказ и ожидая, а телефон, еще довоенный, стоял прямо на прилавке перед работницей почты. А ещё на прилавке были выложены милые открытки, конверты и марки. Огромные печки и в магазине, и на почте, стояли в углу, были круглыми, железными.

А запахи на почте и в магазине какие – запах веков, истории, основательности, все пропитано неспешностью, время там останавливалось. И действительно, из местных никто никуда не торопился – видимо, они познали этот мир и жизнь.

Выходишь на улицу, а рядом водокачка с журавлями на башне... И воздух насыщен запахом навоза, луговых трав, свежего сена, пролитой солярки, смородины, что растёт в каждом дворе. Чуть поодаль, ближе к лесу, сочно пахнет смолой хвойных деревьев и грибами.

Мы приезжали на озеро к 25 июня и оставались на два месяца до 25 августа. Из туристов приезжали первыми. У нас был флагшток и, приехав, мы поднимали свой флаг, а когда уезжали, то снимали его до следующего года.

Чтобы прожить два месяца, невзирая на погоду, надо иметь хороший лагерь и массу увлечений, чтобы было чем

заниматься. У нас была большая палатка с двумя спальнями и закрытой верандой с прозрачными стенками, которую мы дополнительно накрывали полиэтиленом от затяжных ливней и притягивали к земле дополнительными веревками от сильных ветров. Перед палаткой стояла кухня в 35 м² – крыша брезентовая, а стенки из полиэтилена. Все это было так укреплено, что не боялось ни ветра, ни дождя. От кухни, под углом в лес, уходила стенка из брезента метров на 15, закрывая палатку от ветра. Получался некий внутренний двор, где было выложено из валунов кострище, в котором лежали, сваренные из арматуры, сетки для ведер с водой и валунов для бани. В самой кухне был кухонный стол в два этажа, а к нему примыкал стол с газовой плитой, укрытой высокими стенками с трех сторон. Стояли столы и кресла, где мы кушали, и еще автоприцеп. Идиллия и порядок, все продумано и под рукой. При входе на кухню на сосне висел умывальник, полочка для туалетных принадлежностей и зеркало. За палаткой были кусты, а за кустами стояла баня – квадратная полиэтиленовая комната со стороной 2,5 метра и высотой в 3,5 метра, куда мы затаскивали ведра с водой, холодной и горячей, да валуны из костра, и парились с березовыми вениками. Еще чуть дальше в кустах стояло чудо удобств – брезентовая кабинка с полиэтиленовой крышей, сиденье с пластиковым стульчаком, а под ним большая яма. Пол был из досок, висел рулончик туалетной бумаги и стоял баллончик аэрозоли от комаров и мух. Недалеко от палатки

стояла машина под чехлом, а за машиной мы ставили теннисный стол.

Я катался на парусной доске и на швертботе «Мева». Мы играли в теннис, занимались резьбой по дереву, читали книги — это пока одни.

А когда приезжали туристы и коса заполнялась лагерями, бывало, до пятнадцати палаток, становилось весело. Днем гонялись на досках, проводили соревнования. Словом, ходили под парусом. Вечером все прогуливались парами по кромке песка у воды, заходили друг к другу в гости на чай, на расписать пульку или просто поболтать. Почти каждый вечер устраивался большой костер, вокруг которого собирались «дикари» с гитарами. Пили чай и что-то крепче, были гитары и песни бардов. Без этого нельзя! Посиделки затягивались до глубокой ночи.

Полно было детей, от двух-трех лет и старше. Никто не скучал. Разыгрывали индивидуальные и семейные чемпионаты по теннису — у нас, играли в волейбол через сетку и было команд 6—7 по 4 человека. Дети не отставали от взрослых и во всем их копировали. Целыми днями они бродили босиком в одних трусах и купались, и ничего их не брало! И не было мамашек, которые их загоняли «домой» из воды, с солнца, и вообще...

Берег жил полноценной жизнью курорта. Когда погода портилась, ехали в лес по грибы и ягоды, делали заготовки. Рыбаки ставили сети и сидели с удочкой на утренней и ве-

черней зорьках – рыбы было много. В основном судак, окунь, щука, красноперка и ряпушка. Иногда на берег выходили лоси, а иногда и медведи попить воды, довольно далеко от лагерей.

Все дни рождения мы отмечали всем берегом. Придумывали подарки и песни имениннику. Было общее застолье. Вообще, мы тогда так плотно общались, с таким удовольствием – есть ли сейчас такое? Там было интересно. Дети там закалялись и очень быстро развивались, выросли, проходили школу выживания. С детьми ходили на байдарках, на катамаранах, учили их ходить на доске. Все учились играть в волейбол и теннис, и это все помимо обычных детских игр в войну, в куклы и дочки—матери... Для детей делали качели и вешали гамаки. Мы для дочки ставили отдельную палатку для игр с детьми, у них даже была своя кухня. Для нас это было и раем, и «полиэтиленовой дачей». Сейчас дочь говорит: лучше отдыха придумать нельзя – супер было!

Обычно к 15 августа берег пустел, и мы оставались одни еще дней на десять, как и в начале отпуска, до приезда туристов. Хоть и грустно остаться одному, но полезно. 550 км от Москвы – другой Мир, мир свободы и счастья.

Зимой часто собирались с друзьями и смотрели фотографии, вспоминали чудесные дни, пели любимые туристические песни. Огромный кусок жизни – лучший кусок жизни!

А вы прогуливали уроки в школе?

Совершенно неожиданно у меня на глазах столкнулось продвинутое настоящее в виде ТРЦ и давно забытое прошлое времен СССР – я встретился со своим школьным другом, которого не видел со времен начала перестройки. Мы сидели на лавочке для уставших от бутиков мужей в ожидании жен, лицами в разные стороны, но разом повернулись на шум, наши глаза встретились и осторожно ощупали лицо «незнакомца» рядом...

– Бааа, Серега, ты, что ли?

– Лёха, Ушаков... Ну, тебя не узнать вообще, глаза и голос, а внешне – нее.

– ...

Мы с Серегой вместе играли в хоккей, и, хотя не были хулиганами и шалунами – спокойные были, но нас часто выгоняли с уроков – учителя были строгие. Выгоняли за отсутствие формы, за забывчивость, за невнимательность, за шепот – мы рисовали хоккеистов в тетрадах, я давал списывать, а Серега списывал. У Сереги была феноменальная память – он мог прочитать страницу и тут же её воспроизвести, правда, интонация у него была такой, как будто страница была закодирована, словом – пономарь. А у меня наоборот —памяти не было совсем и рассказать стих у доски было мучением. А уроки истории и географии вообще сплошное мучение.

Нас выгоняли, а мы шли в спортзал на четвертый этаж школы и играли там вдвоем на всю площадку в баскетбол по хоккейным правилам – с силовыми приемами. Мяч нам всегда давал наш учитель по физре, он был первым чемпионом СССР по акробатике. Кстати, у него был коронный прием: он вставал в центр площадки, брал баскетбольный мяч и кидал его в кольцо сзади себя и 100% попадал. Ему нравилось, что мы шли в спортзал, а не куда-то там в туалет покурить – мы и не курили. На нашу игру он смотрел с любопытством, колошматили мы друг друга знатно.

Жили мы в домах напротив, на улице Ленина. Зимой к 8:00 я заходил за Серегой, его отец, вертолетчик, точил нам коньки, и мы шли на стадион, нет, бежали. «Коробки» хоккейной на стадионе не было, там заливали футбольное поле, на котором разыгрывался чемпионат по русскому хоккею среди военных. После снегопадов, когда не приходила «поливалка» чистить лед, мы брали два больших металлических скребка шириной около двух метров и начинали чистить поле – ох и трудная это работа, бегемота тащить из болота, но справлялись и шли в раздевалки отдыхать, а там топили печку и пахло хвойными дровами и лыжной мазью, да еще папиросным дымом от сторожа-истопника. Потом ставили ворота, а к этому времени и пацаны подтягивались и начиналась рубка. Еле в школу успевали.

Позже мы начали играть с Серегой за местные клубы: «Насосный завод», «Биокомбинат», «Совхоз им. Ленина», потом

поехали записываться в ДЮСШ «Локомотив» и ЦСКА.

Кстати, Серега, выпускник Плехановки, работал директором ресторана.

Это я пишу о том, о чем успели вспомнить. Серегу так же почти не узнать. Дааа, постарели мы... И вот, посмотрев друга на друга и, вероятно, подумав об этом, мы замолчали и отвели глаза в стороны. Вдруг Серега спросил:

– А помнишь, мы с тобой сбежали с уроков весной, в мае... Пекли картошку на костре в лесу у стадиона. Ты еще мечтал стать врачом или геологом и поехать в партию, сплавиться по рекам, жить в палатке... Как, что-то осуществилось?

– В какой-то степени ДА. Но не врач и не геолог я точно, сколько я себя помню, хотя врачеванием занимался в походах.

– Ну, это ты еще в школе и команде нас лечил.

– Да ладно!

– Точно.

– В походы ходил, на яхте ходил, в палатке жил, а все остальное – не помню...

– А наши как, класс всё собирается? А как там Дрон, Бэн, Марчелло?

– Зэба похоронили в прошлом году... Ира погибла, Света умерла, Серега Здобнов ушёл...

Вспомнили физичку Руфину Пантелеевну – она в свое время заканчивала МИФИ, облучилась, болела и пошла

работать учителем, а её дети заканчивали ФИЗТЕХ. Вот и мы...

– А математичку помнишь, она у нас ещё классной была?

– Барсукову? Помню, как же, мы её ещё ЕФЭ звали – Евгения Федоровна.

– А историчку помнишь – Полулях?

– Нууу, она нас с тобой дрючила и выгоняла – Зинаида Афанасьевна.

– А Русалку-то нашу Лепщикovu помнишь – твой любимый предмет, у тебя одни двойки были?

– Ааа, русский и литература – Зоя Леонтьевна, да, она молодец была. Мои тройки и двойки у неё это 5+ сейчас для многих. А Лисенкову Людмилу Васильевну, географичку, помнишь? Вот крови нам с тобой попила. Мы её Лисой звали.

– Мы сами козлы были. Помню ещё Гусянникову, биологичку, и химичку Вахрушеву.

– Да, Варвара Фёдоровна, её сын у меня на яхте тут недавно был...

Тут за Серегой пришли и оборвали наши неожиданные воспоминания. Меня узнали по голосу – с женой Сереги я часто разговаривал по телефону. Обменялись телефонами и расстались. Уходя, Серега сказал:

– Я ведь с тобой сбегал, чтобы твои мечты слушать, и чтобы потом вместе махнуть, жаль не получилось, а я ведь во флоте служил...

Я сидел и продолжал вспоминать школьные годы и наши шалости. И мне так захотелось «сбежать с уроков», печь картошку у костра и мечтать о жизни геологов. В хирургии я не пошел — там надо было язык сдавать и химию, а потом еще латынь учить — а это не моё, хотя резать, зашивать, бинтовать и шины накладывать да таблетки давать приходилось, причем часто. В хирургии у нас Юрка пошел, любитель фантастики. А я скромно отправился в физики...

Все же и костров, и палаток, и походов, и сплавов было достаточно, а потом меня захватила романтика паруса... Нееет, забыл, еще автогонками занимался немного и устроил свой автосервис «как источник нетрудовых доходов», и Зебу движок перебирал на «ВАЗ-2103». А ещё не успели вспомнить про дельтаплан, что я начал собирать в гараже и ребята бежали смотреть, всё ждали, как я буду на «песчаных карьерах» его испытывать — не хватило материалов и времени. Но вот позже начал летать на парашуте. Позже расскажу — упал я там с 90—метровой высоты, купол сложился.

А вы сбегали с уроков, чтобы печь картошку в лесу и мечтать? О чем вы думали и мечтали? А сейчас вы ещё мечтаете о чем-то?

Ночной кошмар

Рыбы в сетях было так много, в основном окунь и немного шук и лещей, что вынимали её до сумерек. Мы задержались, и теперь дело шло к закату. Надо идти и чистить рыбу, а уже холодает и комары, хоть и немного, но очень вредные. Нудная для меня работа, не люблю я рыбу чистить. Как в анекдоте про грузина: «Ты помидоры любишь? – Кюшать да, а так нэт!».

Сидим с женой рядом на теплых еще гранитных языках, плавно уходящих в воду. Между нами большой таз и ведро с рыбой, а слева и справа от нас ведра для чищенной рыбы. Ноги наши до колен в воде – она теплее воздуха. Рядом стоит яхта, и в её борту отражаются последние отблески закатного солнца от воды и облаков.

Делать нечего, чищу рыбу. И чтобы как-то отвлечься при этой монотонной работе, задумался я о «вечном». Говорят, что с возрастом человек умнеет, а кто-то и мудрее становится, но это не так. Возраст это всего лишь число, оно не определяет ум человека и его взгляды на жизнь. Всё зависит не от прожитых лет, а от пережитых обстоятельств, побед и поражений, взятых вершин и того добра, что сделано для друзей в жизни.

Из разговора с одной женщиной, гинекологом и умудренной опытом профессором в возрасте, уяснил себе, что луч-

шее поколение детей получается, как раз у тех, кто многое прошел, пережил. Больше это, конечно, относится к мужчинам. А женщины вообще должны рожать от своего первого и единственного мужчины. Тогда дети получаются «правильные» – хорошо и быстро развиваются и взрослеют, имеют стержень и положительный вектор в развитии, усваивают правильные морально-этические нормы и вообще: мальчики – это мальчики, а девочки – это девочки. Повторю, слышал от умудренного опытом профессора—гинеколога.

Говорят, что все проходят в жизни некие этапы развития, как классы в школе. Ну и, соответственно, с разными оценками и результатами в целом. Это только кажется, что с окончанием школы или института все заканчивается и начинается свободная спокойная жизнь – фигушки! Все только начинается...

По себе знаю. Мне один психолог рассказал: до 7—9 лет человек в основном формируется, до 11—13 уточняет свою «направленность» и к 17 накапливает начальные и основные базовые знания, до 27—29 должен молча усвоить фундаментальные знания, а к 31—33 определить направление своего роста и освоить специальные знания, к 35—37 начать самовыражаться, а к 41—44 – первая остановка, оглядеться, осмотреться и проанализировать результат и ситуацию, чтобы определиться. Как и Куда двигаться дальше. Следующая остановка 51—53, потом в 60—61 и потом к 75... Мудрость должна прийти к 51—53, если вообще придет, но приходит

она не ко всем, а в среднем к 10—25% особей. В 41—43 приходит первое осознание и понимание жизни. К 50 мужики должны всего достичь основного — не достиг, всё... Во многом это справедливо для мужиков, про женщин не успел услышать, ушел психолог. И еще он сказал, что есть разброс по возрасту, но в основном вот так в 80—90% случаев.

У нас в стране, в какой уже раз, естественный ход жизни был нарушен после «перестройки и манипуляции сознанием общества» в 90-х. Все изменилось и вокруг, и в нас, и не всегда в лучшую сторону. Я это называю «общественной мутацией сознания общества и индивида». А мутация, сами понимаете, что такое — ненормально это все. Хотя в последние годы наметилась тенденция просветления сознания в части общества и люди начинают задумываться о происходящем и маршруте движения. Но этой тенденции сопротивляются определенные силы и у нас, и в Мире!

Силы ТНК и МП (мировое правительство), как сейчас говорят — «глубинное правительство» — запустили процесс оглупления населения, ведь тупыми проще управлять, и они лучше покупают. Идет деградация цивилизации и движение в сторону рабовладельческого строя на новом технологическом уровне в рамках моногосударства на Земле, и процветания «золотого миллиарда» — Четверякова называет это цифровым концлагерем. Конечно, есть силы, которые этому сопротивляются, в частности, Россия и Китай, у которого свой проект развития есть — «Один пояс, один путь». Мы вы-

ходим на такой уровень, когда ценности моторов и энергетических ресурсов становятся вторичны, а главным становятся огромные массивы данных и технологии анализа и прогноза ситуаций, ИИ (искусственный интеллект) и программы манипуляции и управления, и все это записанно в машинных кодах. Кто будет владеть этим и серверами, тот и будет владеть Миром и людьми.

Есть властители Мира – Глобальные предикторы, которые определяют всё и всем владеют фактически (87% ресурсов в их руках), а есть власть на местах, которую мы хорошо знаем, и которая обеспечивает функционирование системы и стабильность дохода для властителей мира. Мы, люди, это стадо «пчел», которое все и делает, создаёт, включая и новые знания, но владеют нами, а не мы чем-то. Для нас создают виртуальный Мир, манипулируя нашим сознанием, стирают нам историческую память и уводят как можно дальше от исторической правды.

Так вот, усилиями по переформатированию сознания добились того, что «раскололи наш этнос на две части», которые по своим основным свойствам не пересекаются в двух сигма, а это означает, что нас разрушили изнутри. И если мы не будем сопротивляться, то возродиться, как прежняя русская нация и цивилизация, мы не сможем. Сейчас ввели понятие «русский мир» (а раньше было – «новая общность людей»), он действительно существует в сознании оставшихся не переформатированных граждан и не только в России.

Но это все общие слова о тенденциях. И чего только ни лезет в голову...

В наши дни людям до лампочки твоя жизненная позиция и количество прочитанных тобой учебников и книг. Но если твой свитер не сочетается с ботинками, тебе этого никогда не забудут, и, если ты приехал не на той машине, ты не получишь заказ. Не то смотришь или читаешь, не туда ходишь, не так мыслишь – не то говоришь, и ты уже «отстой», «примитив», не успешен. А это неправильно! Эйнштейн сказал: «Стремись не к тому, чтобы добиться „успеха“, а к тому, чтобы твоя жизнь имела смысл». Очень многое в нашей жизни и в замутнённых мозгах молодых придется исправлять.

Время ничего само по себе не меняет, а только наши мысли, поступки и реализованные планы, достигнутые цели. А значит, чтобы изменения шли в положительном направлении (спорный вопрос, что есть положительное направление, с точки зрения групп людей и цивилизации в целом), надо «правильно» думать и в «ту» сторону идти. Встает вопрос истинности пути и тут надо понимать, что Правда это только одна из сторон Истины, и она у каждого своя.

Каждый живет, как хочет (в рамках своих возможностей), но нести ответственность и расплачивается за это должен сам – свобода выбора должна идти рядом с ответственностью. Лучше, если вы сами ставите Цели и сами к ним идете, не завися от других. Но бывает, что большие Цели можно достичь только вкупе большого движения массы людей

и приходится искать попутчика/компаньона или встраиваться в движение масс.

Ищите тех, кто освободит свое время для вас, и избегайте тех, кто будет общаться с вами в свое свободное время, заставляя вас ожидать момента.

Никогда не жалеете о том, что сделали, если в этот момент вы были счастливы. Часто жизнь разводит людей, так как у каждого своя Цель, а обстоятельства меняются, но случается иногда, что происходит это только для того, чтобы показать этим людям, как они важны друг для друга. В одиночку работать проще, хоть и труднее, и времени надо больше, но здесь ты все делаешь сам и некого винить и не на кого рассчитывать. К одиночеству привыкаешь, но если его нарушить, то придется привыкать к нему заново, с самого начала.

Одна из основных проблем этого Мира в том, что воспитанные и образованные люди полны сомнений, а идиоты полны уверенности в своей исключительности и страсти всем управлять. Уместно вспомнить песню Окуджавы про дураков...

Чем серьезнее Цель, тем дальше вы идёте к успеху, и чем он ближе, тем меньше уверенности в успехе и вашего терпения – и многие бросают дело за шаг до победы, и тогда этот шаг за них делают другие.

Мир держится на Доброте и Любви, но помните – чем добрее Душа, тем сложнее Судьба!

Вот такие мысли приходят, когда ты сидишь практически

голым задом на остывающем камне с ногами в воде и чистишь уже третий десяток окуней...

Когда я в очередной раз машинально сунул руку в таз за рыбой, щука, нарушив основную заповедь попавших в плен или заложников сидеть смирно и не злить противную сторону, схватила меня за руку, вонзив свои зубы в запястье, что сразу вывело меня из задумчивости, а щука тут же получила удар, повергший её в кому... Рыбу пришлось дочистить при свете двух карманных прожекторов с руками в крови. Позже руки промыли спиртом и смазали мазью «Спасатель», а потом забинтовали так, что чай пришлось пить таким же образом, как пили горилку бандиты в фильме «Неуловимые мстители»...

Все это очень сильно на меня подействовало, я долго не мог уснуть, а когда уснул, снился мне кошмар: в наши сети попала акула, освободиться из китайских сетей она не смогла, прямо в сетях набросилась на яхту и пыталась прогрызть борт со стороны камбуза, взять нож и разрезать сети. Жуть! А тут я весь в бинтах с мелкашкой, стреляю как из ручного пулемета, а пули отскакивают. И вот тогда я хватаю нож, которым чистил окуней и начинаю чистить акулу, сидя на корме яхты, а жена спрашивает:

– Ну и что мы с ней будем делать? Нам столько не съесть!

Я протягиваю ей плавники и говорю:

– Это на уху, а голова не только в кастрюлю не поместится, она нам в яхту не войдет...

Тут я проснулся. За бортом завывал ветер. Дул он в корму, и небольшая волна била под корму, как в пустую бочку. Выпив газировки, я лег и отправился пробовать суп из аку-
льих плавников...

А Вовочка в это время разминался в буфете красненьким...

На яхту поехать не получилось – «самоизоляция», расслабуха и лень. А Боцман-то в отпуске и нарасхват у своих друзей что-то сделать – счастье подвалило, человек в отпуск не уехал и свободен, вот и я заманил его к себе заняться трудными сложными делами: заготовка дров, спилить семь большущих веток огромных берез, что легли на крышу дома. Одному не сделать, а вдвоём мы ещё ого-го...

Оказалось, что теперь для нас делать эту работу непросто. Мы отдыхали после каждой спиленной ветки, празднуя победу над веткой и над собой. Сидели у меня на открытой террасе и травили о новостях и наших прежних походах. И тут я рассказал ему историю про мои сборы на Ладогу в прошлом году: «А Вовочка в это время разминался в буфете красненьким...».

...Времени до отъезда на яхту все меньше, а забот все больше... Пилую, строгаю, паяю, варю, шкурю, крашу, делаю проводку и вешаю светильники, землю ровняю, спасибо дождю – не поливаю. Что я только ни делаю, а куча дел растёт, я по обыкновению сам составляю себе План того, что надо сделать – это ещё ничего, но я ещё Планы и другим составляю и пытаюсь советовать и руководить, вот тут-то все меня

занудой и называют...

Как только моя половина уехала в город на работу, а мы на ближней даче квартируем, прибегает сосед:

– Ты, Борисович, того, уймись, хватит тут активность разводить, всего не переделать, да и возраст – беречь себя надо! А какой ты пример тут всем подаешь: работать, вкалывать, все своими руками, да еще это, того... не выпиваешь... Подумай, какой это пример нам всем! Пойми, нам тут это все на фиг не нужно в таком разрезе, ну, поковырялись немного, и отдыхаем, да и наливаем с устатку. А что нам теперь тут жены говорят? Смотри на соседа, работает не покладая рук, вон чего понаделал и не отмечает каждую отвезенную тележку рюмашкой. Борисович, так нельзя, это неуважение соседей, не побоюсь этих слов, у нас так не принято, пойми. Запилят нас жены!

– И что мне делать? Мне до отъезда совсем чуть-чуть осталось, а потом на три месяца в моря, это тебе тут можно сидеть все лето, а мне успеть надо.

– Что делать? Пойдем к нам и отдохнем как люди, вмажем, бывшее вспомним, расскажем друг другу про жизнь. Моя успокоится, глядишь.

– Васильевич! Я же не пью! Уже более 20 лет в рот не беру.

– Ты, что зарок дал или...?

– Не хочу, не тянет, никакого интереса, понимаешь?!

– Понимаю, столько лет не пить, отвык, надо себя постепенно приучать.

— А ты что пьешь?

— Только водку хорошую на кедровых орешках! Сам Черномырдин мою пил.

— А я самогонку из ботвы редиски.

— Не пробовал, но я эту дрянь пить не буду, давай кедровку.

— Хорошо, иди готовься, я вот докрашу и приду, только каждый будет свое пить.

— Идет, я пошел, и кончай ты работать, беречь себя надо!

Долго искал в кладовой, но нашел старую бутылку «четверть», налил в неё колодезной воды, добавил лимонный сок, бросил куски корня имбиря, получилась мутноватая жидкость, типа самогон. Вот с этой бутылкой под мышкой я и завалился к соседу, а там уже стол накрыт, пара бутылок кедровки и по-русски богато...

Бухнул я свою бутылку на стол, у жены соседа глаза как два тазика стали:

— Да вы что, охренели, столько ставить?

— Дорогая, не волнуйся, мы решили, что каждый свое, сколько хочет. Пойми, Алексей еще не отдыхал, все работал, всю неделю и выпить—то ему некогда было, нельзя человеку отказывать...

— А что это за пойло-то?

— Самогонка на ботве редиски! Пробовать будешь?

— Неее, мы лучше нашу, газовиков, на орешках! Борисович, а может, и ты нашу, её и Черномырдин пивал?

– Неее, я уж лучше свою, на ботве!

Соседи стали наполнять рюмки, я счел это несолидным и попросил граненый стакан.

– Ну, Борисович, это по-нашему! Мы уже вот так стаканами не можем, ты уж извини, а тебе вот держи!

– Ну, за отдых в выходные дни! – сказал сосед и мы вмазали, крикнули, занюхали и закусили.

А закусить было чем: перечислять боюсь, вас может удар хватить даже в наше неголодное время! Между первой и второй перерывчик небольшой – налили и вмазали, пошло хорошо – я даже крикнул, чувствуя, как с каждым стаканом мое здоровье укрепляется.

Торопиться нам было некуда, и завязалась неспешная беседа. Сосед рассказал, как воруют газ и что под это дело пьют, а я ответил про то, как рванула Чернобыльская АЭС. Тут мы решили помянуть «тех, кого уже с нами нет», присоединив «за тех, кто в море» – пили стоя, молча, не чокаясь – пошло великолепно, лично я этот тост закусил черной икрой!

Тут соседка принесла пирожки, аж с начинкой пяти видов, и мы выпили под пирожки и за хозяйку! Не забывайте считать, я—то пью стаканами! После десятого тоста сосед сказал:

– А Борисович-то крут, я и не думал. Пьет стаканами, как Черномырдин, и нормальный, наш человек, газовик! Давай

за Борисовича!

Выпили за меня, потом за газовиков и попутно за нефтяников два раза!

– Бо-ри-со-вич, дай твое-го хлеб-нуть, хочу себя ис-пы-та-ть, ста-ка-ном...

Соседка принесла еще стакан.

– За что выпьем?

– За нас! За жен! За детей и внуков!

– Идет! Но лучше по раздельности.

– Уууу, ядреная-то какая, нее, мне такой больше нельзя, силы уже не те...

Мы обсудили положение в стране и на соседней улице, цены на бензин и несколько марок авто, что-то про глобальное потепление, но пришли к выводу, что начинает холодать и ПОРА ВМАЗАТЬ! Тут вступила жена соседа:

– Борисович, скажи, а что это у вас за вышка такая на углу участка, как лагерная?

– Нууу, я не зна-ю, ка-ка-я в ла-ге-рях, а вот у меня та-ка-я, поставлю прожектор и пулемет, и всех вас тут буду держать!

– Во, пра-виль-но, нам нужен по-ря-док! Кстати, вот те, через три дома от нас и председатель, они ни-ко-му не нравят-ся!

Без ложной скромности заявляю, я выпил четверть и был хоть и ни в одном глазу, но навеселе, и уже еле сидел, когда подали чай со сладостями. Сердце не камень, сладкое я упу-

стить не мог, тем более что соседи после двух кедровых были уже вялыми.

Я ел торт, закусывая его шоколадными конфетами, и думал про то, что не успел что-то ошкурить и покрасить, посмотреть почту... Но тут у меня родилась идея поведать вам, дорогие друзья и читатели, эту историю про добрых соседей, которые всегда готовы прийти на помощь и устроить вам отдых...

Продолжение банкета или «Час волка».

Не успела моя половина уехать на работу на следующий день после нашего «отдыха», а это было около 11:00, пришел сосед, аккурат в «Час волка» по часам СССР.

– Борисович, ты как после своего пойла?

– Ха, чего б нам было с семи бутылок...

– Все работаешь! А я вот что-то занемог после вчерашнего, не пошла твоя сивуха...

– Может, тебе поправиться надо?

– Что ты, что ты, – замахал он руками, – это пойло, нет...

– Зачем пойло, есть водка «Посольская», как раз для послов доброй воли, то есть для тебя.

– Это почему это я посол доброй воли?

– Ну как же, ты же по доброй воле пришел и собираешься поправиться?

– Точно, давай «Посольскую»! Ты со мной будешь или работать собираешься?

– Да уж ладно, пойла своего выпью, а потом работать.

– Ох уж и здоров ты, как кабан, вчерась четверть выкушал, а сегодня работает, тебя бы к нам на буровую бригадиром – равных бы не было!

Выпили, закусили, соседу полегчало, он поведал мне о трудной жизни газовиков типа: «трудная судьба бурильщи-

ка в очередной раз занесла меня в болота». Тут скромно так протиснулась в калитку евойная супруга и ну нас поливать... Я ей графин с водой мутной даю и предлагаю попробовать:

– Я думала, ты моего похмеляешь, а вы воду лимонную пьете («Посольскую» -то он уговорил и бутылку мы убрали)! Ну молодцы, ладно, зря ругалась, уж извини, – и пошла.

– Смотрю я на тебя, Борисович, ох и верткий ты мужик, на козе тебя не объедешь! Тебе, пожалуй, надо было бы мастером участка у нас быть, с самим Черномырдиным дела делать, вот бы вы наворотили.

– Да из без меня наворотили.

– Да уж, наворотили, но с тобой было бы круче.

– Да куда круче?

– Можно круче, не все, понимаешь, украли.

– Хочешь, я тебе лопату подарю?

– Мне, лопату, зачем? Что я с ней делать-то буду?

– А грабли?

– А кого грабить-то? Я тебе вот что скажу, дружок: если награбленное, то надо отымать и делить, а если честно заработанное, но такого не бывает, не бывает!

– ...

– Борисович, а ты что вообще делаешь?

– Лакирую перголу.

– Ооо! Может, лакирнем слегка твоим пойлом?

– Ты же его не переносишь вроде?

– Не переносу, но надо, понимаешь?

– Понимаю, – и я налил ему стакан моего напитка, он взял стакан, немного сгорбился, сосредоточился, на выдохе откинулся всем телом назад и опрокинул стакан в рот, сморщился, скукожился, занюхал рукавом, сделал бррр... и выдавил из себя:

– Ох и крепка, зараза, – и прилег на лавочку.

А я принялся за работу, но думал, что мог бы пойти отдыхать, и это напомнило мне фильм «Бриллиантовая рука»: «На его месте должен был быть я! – Напьешься, будешь!».

Наладчик с Байконура – сосед, алкаш, садист

После Чернобыля, когда закончились командировки в Зону, мой приятель засел за науку, чтобы вновь написать диссертацию уже на новом материале. Автосервис (ремонт автомашин, которым он занимался шесть лет в качестве хобби и подработки) пришлось забросить. Тратить заработанные ценой здоровья в Чернобыле деньги впустую ему не хотелось, и пришлось отказаться от аренды квартиры, которую их семья снимала десять лет. Муж сестры его жены был милиционером, и ему дали комнату в коммуналке на улице Старая Басманная, как раз рядом с НИИ, где он работал. Упросили Сашку мента пустить родню и переехали в его комнату в коммуналке.

Квартира была огромной: потолки под четыре с лишним метра, стены такой толщины, что на подоконниках можно спать, по коридору – на велике кататься, кухня и ванная огромные, парадный и черный ход. В квартире было пять комнат, четыре из них были отданы ментам, которые никогда здесь не жили, а в одной проживал одинокий мужчина. Комнаты были большие, по 25—35 м².

Оказалось, что этот мужчина был запойным, причем запои у него имели трех—четырёх месячный цикл. Запой

обычно длился по два месяца. Пил он как работал: упорно, настойчиво и очень тихо, вылезая из своей комнаты только ночью. В эти месяцы по квартире расползлся жуткий запах.

В прошлом сосед был наладчиком аппаратуры на Байконуре, у него были золотые руки и голова. Он имел два высших образования, которые ему явно мешали до конца опуститься. В периоды трезвости он писал жалобы и всех ненавидел. Он был ростом более двух метров, косая сажень в плечах. На кухне в углу стояла пудовая гиря и лежали гантели, а в проеме двери была приделана перекладина. Он много читал, чего—то ремонтировал из электроники и механики, включая швейные, стиральные и прочие машины, и пил. Все это делалось очень серьезно. Его часто вызывали на срочную работу на космодром — мастер он был, без которого что-то там не работало и не запускались корабли — и такое бывает.

Сосед семью приятеля сразу невзлюбил. Он пытался их строить, диктовать свои условия, ущемлять права. Все его выходки носили садистский характер. Хозяин комнаты, зная склочный характер соседа, просил быть терпимыми, не конфликтовать, чтобы сосед не писал жалоб, чтобы не лишили комнаты в столице — в СССР это была фишка, получить московскую прописку.

Нашла коса на камень. Ну, вы поняли, мой приятель был человеком непростым, хоть в тот момент и занимался наукой, но прошедшим дворовую закалку и потом еще что-то и где-то освоившим факультативно...

Постепенно их отношения перешли в военные действия со стороны соседа. Прежде всего, он решил не давать им спать. Через час после того, как они ложились спать, он минут на пять включал музыку, всегда одну и ту же запись: «Я буду долго гнать велосипед...». Включал на полную громкость, а аппаратура у него позволяла – ватт 100! Стенки дрожали и стекла вибрировали. Это повторялось каждый час до утра. Приятель пытался жаловаться в милицию, но безрезультатно. Нет свидетелей, говорили ему. Оказывается, соседи сверху ничего не слышат. Хитрый был сосед. Менты его хорошо знали. Они боялись его жалоб в высшие инстанции, а писать он умел и знал куда. Днем сосед приставал к жене приятеля или пугал ее, не давая ничего делать на кухне. Его гадости носили изощренный характер. На кухне невозможно было ничего оставить. Об этом даже писать не очень приятно.

Другой бы просто сразу свалил, что ему и советовали на работе – ищи другую квартиру. Но дворовая закалка не позволяла отступать. Да и десять лет снимать в Москве двушку – деньги немалые, и продолжать выкладывать круглую сумму не хотелось.

Три года в этой квартире стоили им целой жизни. Но всему есть предел. Они тогда собирались ехать в отпуск, упаковывали вещи. Приятель укладывал всё в машину во дворе, когда вдруг прибежала дочка и сказала, что сосед ходит голый по квартире и гадит на пол в кухне и коридоре. И как

вам такое?

Приятель вбежал в квартиру, добежал до кухни, где стоял голый сосед и ругался матом, угрожая ему гантелями. Собственно, драки не было: приятель положил соседа первым ударом и потом не давал ему подняться минут двадцать, нанося удары руками и ногами, пока сосед не затих совсем. Все стены и пол кухни были залиты кровью. Приятель сам, в спортивных трениках и футболке, был весь в крови. Вызвали ментов. Те прибежали сразу, ментовка ведь в соседнем доме. Оказалось, что за полчаса до столкновения жена приятеля звонила в ментовку и просила помочь. Ей отказали.

Теперь менты видели, что дело серьезное, к тому же есть свидетели со стороны заявителя – сосед этажом выше, и теперь им несдобровать. Были времена, представьте себе, когда менты боялись. Вызвали скорую. Когда врачи приехали, менты попросили их сделать соседу уколы, чтоб не сдох (а они его ненавидели) и записать ложный вызов. Они надеялись, что тот оклемается. Соседа затащили к нему в комнату, сделали уколы и оставили лежать на полу.

Рано утром, не спав ночь, приятель с семьёй уехали в отпуск, а когда через два месяца вернулись, их в двери ждала повестка в милицию. Да и в день приезда вечером к ним пришел участковый.

– Плохи твои дела, парень, уголовное дело на тебя завели, попытка убийства и тяжкие телесные повреждения! Приходи завтра к начальнику отделения, будем думать, что делать.

Оказалось, что через пять дней после их отъезда в квартиру заглянул мент, владелец еще одной комнаты, и, увидев лежащего на полу в крови соседа, вызвал скорую и ментов. Соседа забрали в больницу, где состоялась судмедэкспертиза, после чего было возбуждено уголовное дело.

В заключении экспертов было сказано: переломы переносицы, основания черепа, четырех ребер, руки, кисти руки, тяжелое сотрясение мозга с потерей памяти, повреждение правого глаза с частичной потерей зрения, множественные повреждения тела и внутренних органов. Сосед лежал в больнице в тяжелом состоянии. И гиря с гантелями не помогли!

Показания его свидетеля, его жены и его самого, а также врачей скорой, что приезжали и записали ложный вызов по просьбе ментов – все это было против отделения милиции, которое не принимало никаких мер и допустило грубое нарушение закона. Пострадавший был всем противен, а приятель принес с работы характеристику и ходатайство. Одним словом, дело было закрыто.

Приятель с семьёй купили квартиру и уже давно съехали из коммуналки, но как-то дела занесли меня в те края, где я часто бывал у приятеля (работали мы вместе), и я увидел того соседа, выходящего из подъезда: тот с трудом передвигался с палочкой, волоча одну ногу, руки и голова его тряслись, один глаз был закрыт повязкой.

Не будите ни в ком зверя! Не лезьте в воду, не зная бро-

ду...

Эмоциональный взрыв это как взрыв сверхновой. Он настолько ярок, что затмевает все, ослепляет нас и мы творим сами не ведая что, сметая все на своем пути. Энергия, выделяемая в такие минуты, настолько велика, что потом трудно разобрать, кто развалил часовню...

Состояние аффекта, как говорят юристы, при самообороне. Знаете, если вас убьют или искалечат, то вам уже не надо будет просить ментов кого-то искать, разбираться и сажать. Решайте вначале свой первый вопрос – выжить и защитить семью, остальное потом... Делай, что должно, и никакой толерантности!

Мне отец рассказывал: во время войны летчики после вылета сидели на лавочке у метеостанции в конце аэродрома у леса и курили, вышел огромный медведь – они злые были, и вот один летчик подпрыгнул вверх прямо на крышу «избушки», а это было более пяти метров, а летчик был в зимнем летном обмундировании. Понятно, что ничего подобного никто повторить не мог. И еще один случай: когда бомбардировщик с боезапасом и топливом сел на брюхо и начал гореть, стрелок умудрился вылезти из самолета через «форточку», в которую и голова с трудом проходила. Повторить никому потом не удалось.

У человека бесконечные возможности, скрытые в нем, но высвобождаемые в моменты сильных опасностей и нервных срывов – не доводите людей до этого или будьте к этому

ГОТОВЫ.

Я ликвидатор – Чернобыльские этюды – рассказ экипажу яхты

На яхте бывают такие минуты или во время шторма, когда все измотаны, или за вечерним чаем, когда Капитан рассказывает команде что-то, чтобы успокоить или развлечь. Вот и в тот раз мне пришлось рассказывать историю из своей жизни, а команда задавала вопросы:

Узнали мы об аварии на ЧАЭС со своим научным руководителем и начальником нашей лаборатории Панкратьевым – я уже рассказывал о нем, он еще заядлый шахматист был и всем диссертации писал – в поезде из Риги в Таллин, куда мы ехали навестить его брата. Стоим в вагоне у окна, рассматриваем мелькающие пейзажи, а через громкую связь идут новости, вот мы и слышали, а через три дня были на работе.

В НИИ суматоха началась, но толком никто и ничего не знал, пока со станции не привезли первых очевидцев-командировочных. Одежду с них снимали – и в «могильник» в отделе, где реактор стоял. Дозиметристы и мы у себя на спектрометрах проводили измерения. Мы определяли точный качественный и количественный состав излучателей на загрязненной одежде и сразу стало ясно, что произошла разгерметизация активной зоны реактора.

Потом, через неделю, когда наши радиохимики скрытно отобрали пробы воздуха в городе, а мы провели измерения и сопоставили их с результатами измерения проб с ЧАЭС и одежды командировочных, стало ясно, что произошел выброс радиоактивности, причем после цепной реакции...

– Там что, был ядерный взрыв?

Мы путались в догадках, что же там могло быть, не хотелось верить, что «реактор рванул», но, когда в Институт привезли кадры аварии, снятые с вертолета, и описание очевидцев, стало понятно, что «зона выкипела, как молоко из кастрюльки», но об этом позже скажу.

Наш отдел перешел на вахтовый метод работы в Чернобыле, потому что в Институте мы занимались радиационной безопасностью и радиационной экологией и имели в своём распоряжении уникальные сертифицированные приборы, спектрометры и методики – мы были лучшими на тот момент, и не только в стране. В лаборатории не хватало рук. Я летал и в Чернобыль, и сам ездил по областям средней полосы России и отбирал пробы грунта, так как наша лаборатория участвовала в составлении карт загрязнения территории продуктами Чернобыльской аварии совместно с МИФИ и РОСГИДРОМЕТ.

Профессионалы, которые ездили в Чернобыль, называли случившееся там не аварией, а катастрофой. Когда я в июле

86-го впервые после аварии попал на станцию или, как тогда говорили, в Зону, мне казалось, что это «зона боевых действий». По дорогам, туда и обратно, двигались люди и техника в каком—то неестественном ритме. Телеграфные столбы вдоль дорог застыли в разных позах, согнувшись под тяжестью оборванных проводов. Большая часть идущей техники — это танки и БТР, все в камуфляже, низколетающие вертолеты—штурмовики и люди в масках и униформе белого и зеленого цветов. Посты дозиметрического контроля и пропуска техники и личного состава, где работали люди в зеленых костюмах химзащиты с дозиметрами и шлангами с дезактивирующим раствором — все машины, шедшие из Зоны, мыли. Сам поселок Чернобыль, где первоначально оказывались все приезжающие, чтобы оформиться и встать на довольствие, и где находился Штаб ликвидации аварии, производил гнетущее впечатление. Представьте себе большой населенный пункт, в котором кипит жизнь, гуляют дети и идут по делам люди, развешено после стирки белье, жара — открыты окна, стоит бочка с пивом, плачет малыш, упавший с велосипеда, и вот из этой картины мы вмиг удаляем все живое, оставляя только ветер, солнце и голубое небо. Пустынные улицы с покосившимися телеграфными столбами, брошенная детская коляска, велосипед. Ветер колышет шторами в открытых окнах, качает развешенное сохнуть бельё, гонит по улицам поселка какие-то казенные бумаги. Впоследствии оказалось, что это местный партийный архив, брошен-

ный во дворе при спешной эвакуации. В основном эти бумаги содержали доносы членов партии друг на друга, в минуты отдыха ликвидаторы любили почитать эту ерунду. Вскоре ветер окончательно разметал по зоне эти листки, оставив пустыми огромные сейфы. На обочинах пыльных улиц там и тут разбросаны детские игрушки, даже кажется, что в воздухе повис детский плач – нет, всех вывезли.

– Не понимаю, а именно вы почему поехали туда и вахтой там работали?

Институт, где я работал, был проектировщиком всех АЭС с реактором этого типа, а мой отдел и лаборатория занимались радиационной безопасностью и экологией, и нам сам Бог велел там быть. Ездили вахтовым методом по четыре или шесть человек. Две недели в Зоне, две дома, но чаще двадцать дней там и десять дома. Первый год было очень интересно и в плане науки, и в плане экзотики. Первоначально приезжали туда одни профи, так что было с кем пообщаться и чему поучиться. Как профи, нас туда влекло это уникальное событие, мы же ученые. И потом, наш НИИ входил в Госкомиссию, и мы там были сменные представители. У нас даже была своя машина «Рафик», и на лобовом стекле крепилась табличка «Госкомиссия» и пропуск «Проезд ВСЮДУ».

– В день аварии я с детьми должна была вылетать из Ха-

баровска в Киев, но билетов не было. Три дня мы просидели в аэропорту, а у меня на руках две девочки, 2,5 года и 7 лет, намучались и взяли билет на Москву – к родителям мужа. Потом я из Москвы полетела в Киев и провела там 20 дней мая. Город был пуст, все разъехались. Мы ходили с папой и мамой по пустым улицам и наслаждались красотой «немого» города, по вечерам пили красное вино. Я слышала, тогда началась мобилизация в армию?

Партизаны, как называли мобилизованных через военкоматы, ходили повзводно во главе с офицером в солдатской форме, а использовали их на грязных работах по дезактивации Станции и территории и на строительных работах. Эти части сильно облучались. Дозиметры индивидуальные были только у офицеров. Как только дозиметр набирал 25—50 рентген, часть расформировывали. Представители науки и работники станции ходили во всем белом, от носок до чепчиков и перчаток, а большие начальники и совсем большие ученые в афганской камуфляжной форме. Война в Афганистане, кроме всего прочего, принесла новую военную полевую форму, которую называли афганской. Она была удобна, практична и добротна, и за ней шла охота.

Кроме всего прочего, эта афганская форма давала некоторые преимущества в обычной жизни. Вдумайтесь! И представьте себе, какова была общая психология, если человека, идущего по улице в этой форме, воспринимали как афганца

и героя. Да, было правильное время, пока не началась гребаная перестройка, и воины были героями. Я сам был свидетелем того, как гаишник, остановивший машину моего приятеля, только при виде этой формы на водителе козырнул и отошел. Люди все воспринимали за чистую монету. Если что-то написано в газете или сказано с экрана телевизора, значит, это истинная правда. Это сейчас эпоха тотальной лжи и фальсификации всего. А еще существовал такой феномен как столичный гость. Людей из Москвы везде встречали как особых гостей и людей значимых, по определению! А на нашем «Рафике» были московские номера.

— И сколько же можно было носить одежду, кто ее стирал?

Всех Ликвидаторов, так называли работающих в Зоне, объединяли лепестки—фильтры на лицах и солдатское нижнее белье, что делало их до неузнаваемости похожими друг на друга. У большинства Ликвидаторов на груди болтался пропуск с фотографией, цвет которого соответствовал твоему статусу. Самым крутым был пропуск с надписью «ВСЮ-ДУ», дававший допуск в любое место Зоны и станции. В нагрудных карманах комбинезонов торчали индивидуальные дозиметры. Многие ходили в белых перчатках. В 86 году одежда менялась раз в день. Я не знаю, стирали её или нет, нам выдавали новые комплекты.

Практически весь 86-й год всю одежду приходилось часто

менять, и по несколько раз, а самому по много раз в день мыться в душе. Пили воду только из бутылок, минеральную или просто газированную, Колу или Пепси, Нарзан, Боржоми. По утрам надо было идти и забирать отведенную тебе квоту – несколько ящиков. Лето и осень выдались очень жаркими, а работа очень тяжелой, так что без воды было не обойтись, да и спирт надо было чем-то разводить. Да, пили, и немало. Кто хорошо кушал и достаточно пил, тот и вытягивал все тяготы облучения.

– Как можно было жить в горячей Зоне безвылазно, зачем, отработал и ...?

Работа занимала часов двенадцать, дорога до станции два, три обеда по часу, остальное время – переодевания, душ и сон. И так каждый день. В 86—м обеда были праздником. Из Киева в Зону были командированы повара ресторанов, которые работали на совесть, да и финансирование питания было хорошим. Первые три—пять дней после приезда никто не мог съесть и половину, потом привыкали и ели в удовольствие, а дня за три-четыре до отъезда становились голодными уже через час-два после еды. Помнится, что даже подносы в столовой были не стандартные, а в два раза больше обычных. Их тогда называли обкомовскими. Столовые работали круглосуточно, в них предлагали только усиленные обеды, но без ограничений по выбору и количеству. Все бы-

ло, начиная от овощей и фруктов до шоколада и меда. Даже икра была. В 86-м на Ликвидаторов ничего не жалели. Официально в зоне был объявлен сухой закон. Однако, многие имели доступ к спирту и употребляли. А те, кто не имел, могли, начиная с 1987 года, обращаться к местным служителям правопорядка, которые наладили бизнес по поставке в Зону спиртного и женщин, меняя этот товар первоначально на талоны питания, а затем на деньги. Многие считают, что спиртное выступает профилактическим средством при облучении, но это не совсем так. На вредных производствах, связанных с радиацией, рекомендовалось принимать 50—70 грамм спирта за 10—15 минут до предполагаемого сильного облучения, а не после облучения и не больше, все равно большего эффекта, в смысле профилактики, не достичь. Еще имеет большое значение тип облучения и его воздействие – внешнее или внутреннее. В Чернобыле, в смысле облучения, присутствовало все и во всех видах. Конечно, хорошо было бы принимать красное сухое вино ежедневно после работы и немного спирта до выхода на работу. Если бы это было в меру, то польза была бы. Но в меру у нас не умеют, да и красного сухого не было. До работы, конечно, никто не пил, а после... И потом, жили—то мы постоянно в Зоне облучения.

Как известно, после протирки оптических осей и золоченых контактов тонким слоем, что характерно для физиков—экспериментаторов, спирт всегда остается и в дальней-

шем используется по прямому назначению. Большой популярностью у продвинутых Ликвидаторов пользовался напиток, приготовленный следующим образом: в сифон заливали пополам спирт и нарзан или колу, закрывали, газировали и разливали. Называли его «срочное погружение». Это и есть быстрое и полное погружение. Ощущение, наступающее при этом, передать невозможно в силу мгновенной и полной потери самого ощущения. Если влитая в себя доза была меньше 150 грамм, то Ликвидатор успевал начать закусывать. Особым шиком считалось закусывать плодами фруктовых деревьев, росших здесь же, особым образом очищенных и проверенных на спектрометре или дозиметре. После такого многократного профилактического снятия стресса отмечались случаи индивидуального преждевременного наступления Нового года. Надо сказать, что многие Ликвидаторы были настоящими бойцами и к концу командировки доводили принимаемый на грудь вес любимого напитка до одного литра за день. Конечно, все это сказывалось на пост-командировочном синдроме, ведь сифонов дома у многих не было, и это приходилось компенсировать увеличением дозы, добавлением других отравляющих веществ и употреблением пива, особенно по утрам.

Надо сказать, что постоянное снятие стрессовых состояний не останавливало работу и не ухудшало ее качество. Работы было много, тяжелой и грязной, в том числе. Все от начала и до конца приходилось делать своими руками. Прово-

дить измерения, а потом готовить отчетные документы, подписывать их и отвечать за это. Много приходилось таскать тяжелого измерительного оборудования, устанавливать его в различных условиях, часами наладивать и калибровать, проводить измерения, многократно повторяя. Поля излучений постоянно изменялись, а в Штабе постоянно требовались точная картина по загрязнению и рекомендации по мероприятиям, дозовый прогноз. Приходилось залезать во все щели. Когда прорубили стенку в одном из помещений четвертого блока в реакторный зал, пришлось заглянуть и туда. Реакторная шахта была пуста.... Многие на этой работе потеряли здоровье, а многие умерли. Цена, которая была заплачена за полученный результат, была неоправданно высока.

А мне особенно нравилось проводить измерения на крышах. Дело в том, что измерения были не очень длительными и многократными, так что не было смысла бегать в укрытие, а можно было любоваться прекрасными видами, открывающимися сверху. В те жаркие и солнечные дни взгляд привлекал большой пруд—охладитель и огромное водохранилище, часть которого тоже была видна. Вода на солнце серебрилась и манила к себе. В эти минуты я вспоминал водоемы, на которых катался на серфинге, и те дни, что с коллегами по выходным ходил купаться и загорать на местное водохранилище, еще до аварии. Крыши были черные, и под палящими лучами солнца разогревались как сковородка на газу. Было

очень жарко. Очень быстро вся одежда становилась мокрой от пота. Мы тогда ходили во всем белом с ног до головы, а на лице был прицеплен белый «Лепесток 200» – специальный фильтр. Когда он намокал и становился противным, его приходилось срывать и менять на другой, если он был в запасе. Индивидуальный дозиметр на работы в грязных зонах мы не брали, поскольку за одну смену можно было выбрать всю норму облучения для человека и вылететь из числа сотрудников, допущенных до работ. А партизаны, например, вообще не имели индивидуальных дозиметров.

Мало кто знает, что Чернобыльская авария, приведшая к катастрофическим последствиям, произошла из-за банального желания получать премии за экономию электроэнергии при выводе реактора с мощности на остаточном тепловыделении. Когда энергоблок останавливали, то он мгновенно из вырабатывающего электроэнергию превращался в потребителя. И вот, в одной из голов «национальных украинских кадров» возникла идея продолжать крутить турбину на остаточном тепловыделении реактора. Но для того, чтобы это попробовать, пришлось заблокировать все уровни защиты. Что из этого получилось, все знают.

– А почему все-таки закрыли АЭС, ведь там вроде собирались еще блоки пускать?

На Чернобыльской промплощадке было заложено четы-

ре станции по четыре энергоблока – всего 16 блоков. После аварии были приведены в порядок три блока первой очереди АЭС, и можно было начать загружать топливо в еще два реактора второй очереди на площадке рядом.

Жаль, но руководство «независимой» Украины приняло решение закрыть станцию. За это, как говорят злые языки, Кучма получил нехилую сумму, а 22 миллиарда евро, обещанных за закрытие, Евросоюз так и не перечислил Украине. Зона она и есть Зона, работает станция или нет. Авария произошла, и на все последствия нужны деньги. Надо было достраивать новые блоки и не останавливать старые. Экспорт энергии позволил бы решить не только проблемы Зоны, но и Украины, и газа от России не нужно было бы. Дураки! Да и у нас, в России, руководство Минатома думало не о деле, а о своих креслах. Конечно, проблема получилась сложной. В рамках одного государства она решалась, а в рамках двух – нет. Специалистов и ресурсов на Украине нет, а псевдонациональных интересов много. Слишком много Россия оставила там, в Зоне, чтобы потом туда просто возили за деньги на экскурсии, как в «Сталкере».

– Как я понимаю, от Ликвидаторов отвернулись так же, как и от афганцев?

Первоначально, пока шла ликвидация аварии, Ликвидаторов старались поддерживать, как бойцов на фронте. Спе-

циальное Постановление вышло ЦК и СОВМИНА.

Иногда в Зону приезжали знаменитые артисты. Мне всегда вспоминался приезд Леонтьева. В Чернобыле он дал два концерта и работал с такой отдачей, что, казалось, упадет после последней песни. Его вызывали и вызывали на бис, и он пел. Из зала его вынесла на руках ликующая толпа, как гладиатора, который всех победил. В другой раз приезжала очень известная певица – П. В Чернобыль она не поехала, а дала один концерт в поселке Зеленый Мыс, состоящим из пассажирских кораблей, пришвартованных к берегу. Для этого на холме рядом с берегом построили большую эстраду. Начало концерта надолго задержалось, и народ, сидящий на склонах холмов вокруг большой сцены, начал свистеть и кричать. Тут вышла московская дива и, сказав какую-то ерунду, начала петь под фонограмму. Ликвидаторы, отвыкшие ото лжи и обмана, освистали ее. Некоторые кричали: «Братва, нас предали!».

Никакие расслабухи не помогали, стресс накапливался. Многие возвращались из Зоны как с войны.

– Какие страшные вещи ты рассказываешь, и так спокойно...

Были, конечно и приколы. В очередной раз мы командой, возвращаясь, ехали в поезде Киев—Москва. После того, как все было выпито и сказано, народ отрубился на своих пол-

ках. Свет в купе был выключен. Все проснулись от криков: «Замуровали, гады!». Было темно, и откуда-то с пола доносились ругательства и возня. Включили свет. На полу лежал один из наших. Он упирался локтями в стенки нижних полок и пытался оторвать вентиляционную решетку в двери, через которую он, очевидно, видел ноги проходивших по вагону пассажиров. Открылась дверь. Проводница в очень короткой юбке молча осмотрела купе:

– Чернобыльский синдром, – заключила она и ушла.

А лежащий на полу боец спросил:

– Что это было?

Первоначально в Зону ехали посмотреть и делать науку, ликвидировать последствия. Приезжали специалисты и предлагали толковые решения. Работа по ликвидации довольно быстро продвигалась, хотя многие вещи делались бестолково. Позже, когда дезактивация, в основном, была завершена, саркофаг построен и дозовые нагрузки упали, а первые три блока начали работать, народ начал ломиться в зону, чтобы заработать, стать Чернобыльцем и получить льготы. Спустя полгода после аварии система оплаты была выстроена, и многие стали планировать свои заработки. Специалисты, разобравшись в ситуации и поняв, что их телами затыкают дыры, ездить стали реже. А многие ушли со своей работы и устроились на постоянную работу во вновь созданную организацию – Комбинат. И тогда Зона стала официальной «халтурой», но это после 90-го года. В те годы многим

людям официальной зарплаты не хватало, и они подрабатывали на стороне, зарабатывая существенно большие деньги. Это и называлось халтурой или шабашкой.

Тогда многим удалось заработать хорошие деньги, но никто не предполагал, что большая часть из них пропадет в результате реформ. Я тоже неплохо заработал, и моих денег вполне могло бы хватить на две кооперативные квартиры, две машины и шикарную дачу, да еще осталось бы на хорошо обмыть. Беда в том, что реализовать эти деньги было в то время практически невозможно. На все были очереди по записи, да и на очередь встать было не просто. Люди десятилетиями ждали своей машины или квартиры. Дирекция, партком и профсоюз решали, достоин человек что—либо иметь или нет. Все сидели на крючке и не рыпались. И если ты партийный, идеологически лояльный, профсоюзный активист со стажем работы не менее двадцати лет, независимо от качества своей работы и своей квалификации, ты мог рассчитывать на поощрение в виде выделения машины или участка, реже квартиры. Конечно, близкие к руководству получали все это чаще. По всем параметрам мне еще ничего не светило и ничего не оставалось, как положить заработанные деньги на счет в сберкассе. Постановление правительства, касающееся льгот Чернобыльцам, во многом осталось на бумаге, и в последствии большую часть льгот отменили.

— Вот черт, и что дала тебе эта ликвидация...

Работа над полученными в Чернобыле результатами, развитие экспериментальной базы, участие в работах по составлению карт загрязнения областей России и написание диссертации занимали всё моё время. Но ничего из этого не случилось. Диссертацию защитить не дали, хоть и были положительные отзывы, тематику Института и отдела сократили, сменился начальник отдела, а часть сотрудников ушла. Через пять лет, фактически, лаборатория без финансирования развалилась. Слава Богу, что я не видел, как умирают наши уникальные установки, потому что не было жидкого азота. Я ушел. Надо было решать проблему жилья.

А потом Павлов ввел ограничения для населения на получение денег в сбербанке со счетов, а потом в конце 91-го года Гайдар объявил о либерализации цен. Деньги обесценились. Мой вклад в Сбербанке превратился в памятник реформ на пути в светлое капиталистическое будущее. Народ разорили, просто обокрав. Никакие льготы больше не действовали. Начались разброд и шатания.

Хорошо, что брат подсказал, и я, работая еще в НИИ, закончил Советско-американскую бизнес-школу – местный филиал Американской Академии маркетинга и рекламы. Ушел в бизнес, где мы с Любимой встретились во время моего противостояния налоговой инспекции.

Похудеть с гарантией!

Вопрос «похудения – сброса лишнего веса» очень актуален сегодня, думаю, не только для меня. Вот набрел на свой старый рассказ и готов поделиться опытом. Более того, могу сказать, что сам уже сбрасывал вес со 118 кг до 78 кг, а с этого Нового года обещал сбросить за год 25 кг, и уже за 7 месяцев сбросил 15 кг опять со 118 кг. И я знаю «СЕКРЕТ», как похудеть и никаких диет – суть не в этом!

Я уже не могу вспомнить, в каком году это было, но точно в начале девяностых. Раньше я был стройным худым юношей, а поправляться начал через два года после первых поездок в Чернобыль. А после последней поездки я не просто прибавил в весе, я пух и расползался, как на дрожжах. От неловких движений одежда рвалась, кроссовки разлетались за месяц, и я уже не мог свободно пробежаться по лестнице. Знакомые смеялись, называя меня толстячком. Да, во мне было 118 кг.

В это время дочь еще занималась фигурным катанием у одного из известнейших тренеров, муж которой тоже был известным спортсменом, и в силу дружеских отношений мы часто встречались семьями. Оба эти спортсмена давали мне различные советы, как похудеть. Наконец, меня пристроили в «Олимпийский» – спортивный комплекс на Проспекте

Мира, где открылся один из первых платных оздоровительных центров – тогда «фитнесов» не было. Там заправляли бывшие спортсмены из Сборной РФ, из знакомых моих знакомых, поэтому хорошее отношение и индивидуальный подход гарантировались.

В спортивном зале, где стояли тренажеры, меня встретили два высоких крепких парня с фигурами атлетов. По ним было видно, что здесь они времени даром не теряют.

– Нас предупредили о Вашем приходе, – сказали они, еле сдерживая улыбку. – Раздевайтесь и становитесь на весы, ого, 118 кг! Вы раньше хоть немного двигались?

– Немного двигался (знали бы они, какой я был крепыш).

– Не расстраивайтесь! Мы и не таких до нормы доводили! Фирма гарантирует! Сейчас пройдете тестирование на тренажерах, и мы определим нагрузку, чтобы Вы, как бы это сказать, не надорвались.

Тест показал, что мне надо заниматься с двумя группами и еще можно плавать, и все это в один день, причем четыре раза в неделю. Ребятки были удивлены, но вида не подали.

– Можете сегодня начинать: два часа тренажеры, час бассейна. Через месяц будете весить 100 кг. Удачи!

И больше ничего не сказали, так просто – тренажеры, бассейн и минус 18 кг.

Привыкший к тому, что на тренировках надо выкладываться, отрабатывая задание тренера, я приступил к работе

над собой. В зале все удавалось, а в бассейне, не умея как следует плавать, я, просто, не спеша, как лягушка на параде, шевелил конечностями и передвигался по дорожке, вызывая улыбки у длинноногих девиц, что курсировали вдоль бассейна, подбирая очередную жертву. Занятий я не пропускал и выполнял все указания тренеров. Месяц пролетел быстро. Я заметно подтянулся.

В назначенный день я встал на весы. 119,5 кг?! Немая сцена.

– Вы не могли прибавить при такой нагрузке! Мы ошиблись при взвешивании.

– Ребята, это ваши проблемы. Вы обещали, что я сброшу вес.

– Хорошо, Вы ходите еще месяц, но уже бесплатно. А сейчас идите к врачу — диетологу.

Врач, посмотрев результаты теста, кардиограмму и кривые нагрузок за месяц, проверил давление, пульс и дыхание в легких, попросил сделать анализы крови.

– Ну—с, молодой человек, признавайтесь, что Вы такое кушаете, что даже при таких нагрузках не худеете?

– Ем все, как обычно, аппетит стал лучше.

– Ну, и что Вы съедаете обычно на завтрак?

– Две пачки пельменей.

– Стоп, стоп, стоп! Так, батенька, не пойдет! Вы просто растянули себе желудок. Есть можно все, кроме мучного,

и объем сократить втрое! Вы все поняли?

– Да, и вот еще что: как у Вас с бабами? При таких показателях вам надо трахаться по два раза в день.

Старый еврей знает, что говорит, подумал я, вспоминая о проблемах в семье. Жене я никогда не изменял и этот пункт наставлений выполнить не мог.

Второй месяц прошел без энтузиазма. Я голодал и здоровел. Мышцы наливались. Движения становились резче. Ходить мне приходилось только в спортивном костюме, и от братков я теперь отличался только отсутствием цепей и длинными волосами, да еще отсутствием малинового пиджака. Ко мне привыкли и уже никто не обращал на меня внимания.

Настал день контрольного взвешивания. 118,5 кг!

Ошибки быть не могло. Я сбросил один килограмм, но все еще превышал свой первоначальный вес. Смотрелся я несомненно лучше, чем в первый день, и явного желания худеть дальше не демонстрировал. Но противная сторона, испытывая интерес к клиенту и некоторую неловкость, настаивала на продолжении процесса. Увеличивать нагрузки было нельзя, значит – диета.

– Вы делали все, как я говорил? – спросил врач. Что он прочитал в моих глазах – неизвестно, но он добавил:

– По глазам вижу, что не обманываете. Так, так, голубчик.

Чего Вы больше всего не любите из продуктов?

– Творог терпеть не могу с детства!

– Отлично! Будете сидеть на творожной диете. Еще только овощи и фрукты, и покажите мне свои анализы.

Я передал ему результаты анализов крови.

– Так, так, так, батенька, очень интересно, я подумаю...

Чувствуя бесполезность занятий, я перестал выкладываться и часть времени проводил в разговорах с клиентами центра. Тренеры меня подгоняли. Девушки в бассейне с интересом поглядывали на меня и улыбались, проплывая мимо. Весь третий месяц я ел творог и яблоки, проявляя чудеса упорства.

При взвешивании я показал свои 118 кг.

– Парень! У Вас какой-то секрет есть! Скажите, Вы честно один творог ели? – спросил меня доктор.

– Да, четыре раза в день творог и яблоки.

– Сколько же Вы за раз съедали творога?

– Килограмм.

– Вы же ненавидите творог! Как Вы могли столько его есть?

– Я поливал его медом и посыпал грецкими орехами.

Все, кто стоял, легли от смеха, а доктор сказал:

– Теперь Вам не тренажерный зал нужен, а команда девиц из элитных саун, вон, идите, они у нас в бассейне формы поддерживают.

– И все?

– Нет. Скажите, а Вы выпиваете?

– Да, постоянно.

– А что предпочитаете?

– Пиво и водку.

– Понятно. Бросить пить Вам надо, понимаете.

– Что, совсем?

– Да совсем, иначе лет через пять Вы умрете. Или сердце, или печень.

– Бросить! А как? Я же Чернобылец, привез это оттуда.

– Ну, это я не знаю. Методов много, но лучше на силе воли. И потом, Вам надо изменить образ жизни: раньше ложиться и раньше вставать, больше ходить пешком и лучше в лесу, минимум 10 км в день, после 18:00 не есть, и вообще, надо привести свои мысли в порядок, ведь мы это результат того, что мы думаем, того, что мы пьем и едим, что делаем – надо всё менять. Самое сложное Вам будет поменять своё окружение... Но результат будет, увидите.

На том и расстались.

Через полгода пить я бросил и не пью по сей день. Представьте себе лифт, а в нем напротив вас стоит человек с сильного похмелья. Ему явно плохо, а вам хорошо лишь потому, что вы не с похмелья...

Мне удалось частично выполнить все рекомендации врача – старого еврея – и действительно, я похудел до 78 кг.

Не буду скрывать, что до 95 кг я похудел, исполняя рекомендации, а вот до 78 кг мне удалось похудеть, очищая свою карму и заделывая пробои в своих чакрах (так, ФИЗИКИ – молчать! Нечего говорить о том, чего вы не понимаете в силу отсутствия у вас специальных знаний). Мне повезло, я уже написал рассказ о том, как «знахарка» поделилась со мной знаниями и технологиями упорядочения энергоинформационного обмена и очищения, приводящим к общему оздоровлению. Всё это основано на том, что мысль материальна, на вере, убежденности и силе воли «к победе», знании физиологии и макро- и микромира на атомно—молекулярном уровне. Ну, так мне кажется...

Можно что угодно говорить, но есть факты... Я сам красноречивый ФАКТ существования всего этого.

Вот и сейчас я в пути к своим 87—90 кг, на большее не рассчитываю, потому что накачал в спортивном зале и бассейне мощную мышцу.

Май мутного 1989 года на Озернинском водохранилище

С этим парнем мы работали в одном отделе, сидели в одной комнате, учились в МИФИ и часто вместе были в Чернобыле до и после аварии. Он отличный рассказчик, вообще колоритная личность, а как он тосты говорит...

На работе, под стеклом моего письменного стола и на стене над столом были не листочки с формулами из ЯФ и спектрометрии, не чертежи реакторов и «устройств», а яхты с яркими цветными и белыми парусами, с креном рассекающие воду. Из каждого своего похода и отпуска я привозил фотографий под две сотни, и все, кто в отделе любил походы, природу и «это дело», собирались у нас вечером после работы, когда в лаборатории оставалась только вторая смена (я работал на эксперименте и измерения шли в 2—3 смены), разводили спирт в химических колбах, в большой круглой колбе заваривали чай «со слоном» (кто помнит эти желтые пачки) — отлично заваривался, доставали из шкафчиков разнообразную закуску — тут были огурчики и помидоры соленные и, конечно, грибочки, лучок и отварная картошка, иногда капуста соленая (в то время все консервированием занимались) и много черного хлеба... Пластиковая разовая посуда и тогда была, а вот наливали мы исключительно в большие

граненные стаканы. Один из столов, что стоял к стене, разворачивался, и на нем ставили шахматы и часы (были у нас мастера, что могли играть до утра).

Начинал, как и положено, старшой (КФМН и завлаб), вторым был профсоюз, ну а третьим был виновник торжеств. Первые два-три тоста были за науку и за первую в Мире АЭС, за атомоход и ПЛА, за «кузькину мать», а потом это тихо переходило в темы отпуска и шахмат... Все смотрели фото и радовались, просто по—человечески радовались и шутили, а за шахматным столом шла рубка с крепкими выражениями и комментариями болельщиков типа «лошадью ходи».

В очередной раз, когда я притащил фотографии из отпуска, Игорь не выдержал и сказал: «А надо бы скатать с тобой и попробовать пройти под парусом, уж больно сочно ты рассказываешь». Дело было к следующему сезону – подходил май мутного на события 1989 года, мы уже не ездили в Чернобыль, и я предложил приятелю дней на 3—5 в майские праздники поехать на Озернинское водохранилище, где мы с семьёй часто отдыхали летом, и покататься там на моём швертботе «Мева» – польский разборный швертбот, уникальная штукавина. Мне он достался по случаю. Всего в Россию было ввезено 287 штук, и за каждым шла охота среди любителей путешествий под парусом. Собрались и поехали...

В то время у меня был «Москвич-2140». Загрузили в него

туристическое снаряжение и в путь. Настроение у нас было супер. Был трехлетний юбилей аварии на ЧАЭС, мы были живы и бодры, погода была отменной – солнце, тепло, вот-вот все начнет зеленеть, предстоящее приключение будоражило наше воображение.

Ехать до места было 180 км, а это по тем временам часа три-четыре. Ехали и обсуждали, что и как будем делать по обустройству лагеря, когда будем собирать «Меву», на чем будем готовить, где спать.

Я люблю ездить в одно место и не один год, люблю испытывать чувство встречи с тем, что было, с воспоминаниями. И потом, все известно и знакомо. А Игорю все было интересно, он только слышал об этом месте, о красоте его, и сам хотел в этом убедиться.

Место, на котором мы постоянно останавливались, и которое было обжито во всех отношениях, не было занято никем, да и вообще турист ещё «не попер», и было похоже, что мы будем в эти дни на берегу одни.

Как приехали, сразу разложили костер на обычном для него месте, достали термос, закуску, волшебный пузырек весенних грез и сели перекусить – душа требовала незамедлительно начать общаться с природой и выдать собеседнику пару откровений.

Время было часам к трем после полудня, практически полный штиль, вода – зеркало, лишь редкие сдувки с берега матовали зеркало ненадолго, и опять тихо. Тепло, имен-

но то тепло весеннее, которого так ждешь, а еще в сочетании с лучами солнца, с запахом просыпающегося леса и воды проснувшегося водохранилища – были видны всплески то тут, то там, все это будоражило и пьянило голову...

Получив первое наслаждение и поняв, что точно приехали не зря, приступили к обустройству лагеря. Почистили место под палатку, накидали лапника, застелили клеёнкой и поставили палатку, старую маленькую солдатскую палатку с неповторимым запахом, который я не забуду никогда... Сколько же я прошел с этой палаткой... Хорошо, что мы не в пешем походе, а на машине, и можно было взять много матрасов и одеял. Получилось шикарно – перина! Накрыли палатку полиэтиленом и с облегчением вздохнули – теперь не пропадем в любую погоду... Пока занимались дровами, очищая окрестный лес, в лагерь прилетели знакомиться птицы и уселись на коньке палатки. Вы никогда не видели, как птицы катаются по полиэтиленовой крыше палаток? Забавное зрелище.

Обустроили кухню, перекусили и, конечно, отметили хорошее начало, а затем приступили к готовке ужина. Чистить картошку, сидя на камне на песчаном берегу, с ногами в воде, когда солнце клонится к закату и слепит тебя, отражаясь в воде – это кайф!

Картошка с тушенкой, если она делается с правильной армейской тушенкой, и когда того и другого в котелке достаточно, то запах распространяется на всю округу, а смешива-

ясь с дымом ольхи от костра, заставляет вас глотать слюну, а ваш желудок ждать встречи с этим простым и замечательным блюдом! А все почему? Тушенка правильная, хорошая, и картошка наша нормальная. Тишина весенняя, когда еще мало что проснулось и некому и нечему шуметь, солнце уже к закату и тепло. Дым у воды дает от котелка на огне особый запах, такого просто в лесу не получается... И вот когда под это произносится правильный тост, и не формальный, а откровенный и со смыслом, подразумевающий продолжение и долгий разговор с человеком понимающим, то в душе происходит нечто и ты понимаешь, что любишь этот Мир!

Часто ли кто-то из вас испытывал такие чувства?

Вечер удался. Мы до темноты сидели у костра и вели бесконечный разговор. Потом завалились в палатку и уснули сном праведников. В этих палатках тепло и свежий воздух, да мы были ребята хоть куда здоровые, поднялись часов в девять, полностью отдохнув от вечерних трудов.

Утренний туалет, помыли котелок, сварили рис, яйца, порезали колбаски, сала и сели завтракать. Было пасмурно и не так тепло, как вчера. На соседней сосне сидела ворона и каркала. Мы пили чай и обсуждали, как будем собирать «Меву» и куда пойдём, если быстро соберем? Задул ветерок.

Пока мы неспешно собирали швертбот, на берегу появились три парня. Раньше местные обычно не приходили на берег, особенно в это место, самое удаленное от ближайшей деревни. Один парень был старше других двух и на руках

у него были наколки, говорил он как-то явно необычно для нас, да и те два помладше не производили приятного впечатления.

Пока у нас шла работа, эти ребята сидели недалеко и отпускали странные шутки, поплеывая сквозь зубы. Мы, по обыкновению, когда пили чай и перекусывали, пригласили ребят, и они присоединились, пили чай и ели с нами. Потом старший, тот, что с наколками, шевеля ногой пустую бутылку в дровах у костра, спросил:

– А чего покрепче не будет?

Я достал полбутылки, что осталась со вчера, и предложил:

– Вот, осталось...

Те из горла по очереди выпили водочки, спросили закурить и ушли, не сказав ни слова. У нас остался какой-то осадочек на душе и чувство беспокойства... Я потом понял: с волками жить – по волчьей выть, сколько волка не корми, он в лес смотрит, а «тамбовский волк» тем более... Уважают и боятся силу и волю, а доброту никто не ценит, её за слабость считают и лоховство – знать надо, с кем как себя вести.

Тогда мы не знали, что в 1989 году из тюрем было выпущено довольно много уголовного элемента. Специально, для смены режима, для недовольств и погромов. Вам это ни о чем не говорит в свете событий госсреворота?

Собрав швертбот, спустили его на воду и пошли готовить обед, чтобы потом к вечеру выйти на воду сытыми. Делали макароны с тушенкой – быстро. Поели, закусили, любуясь

нашей красавицей, попили чайку под веселый щебет птиц, прибрали все вокруг, ценное положили в машину и закрыли её.

Я еще у берега поднял паруса, Игорь сел вперед шкотовым на стаксель, я отвел лодку чуть на глубину, залез сам на место рулевого, уселись – места там немного, а тут и первый ветерок подхватил нас, подстроились и пошли...

Игорю непривычно, на порывчиках ветра лодка немного кренится, а она узкая и борт низкий. На воде стало заметно холоднее, а чем дальше от лесистого берега, тем сильнее ветер, и «Мева» побежала, подарив нам восторг, а Игорю еще и острых ощущений. Мы уходили все дальше, к заливу и мосту, видневшемуся вдаль, на «большую воду», где дуло...

Конечно, я стремился продемонстрировать ходовые свойства и маневренные, делая плавные повороты и резкие развороты, ходил по кругу, объясняя, что надо делать со шкотами стакселя, что я делаю с гика-шкотом. Через час Игорь освоился, и мы уже крутили повороты вполне прилично. В то время матрос мой курил и уже сидел на взводе, как любой курильщик. Нам повезло – из залива выскочила казанка под мотором, и когда она пролетала мимо нас, мы поприветствовали друг друга, а Игорь успел спросить закурить. Моторка сделала лихой разворот и подъехала к нам, передав полпачки «Опала» и спички, с этим и разъехались с лучшими пожеланиями.

Мы встали в дрейф, матрос мой немного откинулся и вы-

тянул ноги, закурил, закидывая голову и смотря на паруса. Пока он курил, я услышал массу восторженных отзывов о лодке и о рулевом...

Мы решили зайти в залив, пройти там вдоль берега и возвращаться — стало холодно, ветер усиливался. Сигареты и спички Игорь положил на козырек брезентовый у мачты, и при очередной смене курса в порыв ветра, когда мы были на ходах, пачка сигарет и коробка спичек благополучно съехали в воду, и я только и услышал от матроса «aaa—ууу—блин!». От места падения мы отъехали метров 20—30, наверное, сейчас точно и не вспомню, но мне удалось развернуться и подойти так, что матрос протянул руку и схватил плавающие потери... «Фууу», — сказал матрос, вынул сигарету, достал спичку и прикурил. — Ну блин, ты даёшь!!!». Полные восторга и эйфории от нашего умения и удачливости, мы повернули в сторону нашего лагеря.

За часа три-четыре, что нас не было, в лагере кто-то побывал (у нас не было сомнения, кто! До этого лет десять на этом берегу никакого воровства не было) и устроил такой беспорядок: разбили стекло в машине, всю машину обыскали и взяли мои часы, бутылку водки, топор отличный и настоящую армейскую саперную лопатку, что-то по мелочи — все перерыли, и в палатке, и в сумках... Причем взятую бутылку выпили тут же у костра, закусив нашей тушенкой, банки от которой валялись рядом, пропал и мой охотничий нож, которым и открывали консервы. Сомнений не оставалось...

Настроение было испорчено напрочь!

Мы развели костер, сделали чай, открыли консервы, нарезали хлеб, ели молча. Потом, глядя друг другу в глаза, одновременно спросили: что будем делать? Мнение было однозначным: существует большая вероятность того, что «эти» сейчас добавят и придут под ночь или ночью... Нет смысла ждать. Мы второпях собрали швертбот, свернули палатку и все прочее и отправились домой, полные разочарования. Буря эмоций внутри...

Часа два ехали молча, потом выплеснули накопившуюся желчь и злобу...

Больше я на тот берег не ездил. С семьёй мы перебрались на Жижицу в Псковскую волость, в глушь.

Мысли доноров-эгрегоров материальны, но управляют всем элиты, которые у нас чужеродны нам

В наше время уже не подлежит сомнению тот факт, что мысль материальна! Мысли являются не только мотивом к действиям человека, но и оказывают прямое воздействие на окружающую реальность! Имеется масса фактов, подтверждающих непосредственное влияние мыслей на окружающую действительность. Так или иначе, сознание человека, его мысли, формируют его судьбу через его выбор! Мы выбираем варианты развития событий в дальнейшем и не только для себя, так как в мире все взаимосвязано... Человек реально получает именно то, что выбирает!

Все проявления материальной природы имеют под собой энергетическую основу. Поле энергии первично, все остальное вторично. Энергия мыслей человека вполне материальна. Когда мы о чем-то думаем, мы излучаем в пространство энергию, передаем и возбуждаем образы. Жизненные обстоятельства формируются не только конкретными поступками, но и характером мыслей человека. Характер наших помыслов формирует и нашу действительность...

Многие скажут, что наши судьбы предначертаны, возможно, но вариантов исполнения каждой судьбы очень много, и эти варианты зависят от нашего выбора. Надо понимать, что бороться за что-то бесполезно, надо просто выбирать среди множества вариантов возможных событий и исходов....

Если один человек мыслит, выбирает и получает в итоге то, к чему стремился, то группы людей, мыслящих в одном направлении, создают в пространстве энергоинформационные структуры – эгрегоры (энергоинформационные системы). Эти структуры начинают развиваться самостоятельно и подчиняют людей своим законам. Люди даже не понимают, что начинают действовать в интересах этих систем. Пример простой: в Израиле была Великая засуха, народ собрался у стены Великого Плача и все разом стали думать и просить дождь – и он пошел! Кстати, о молитвах. Все структуры зарождаются и развиваются, когда отдельные люди начинают мыслить и думать в одном направлении, и когда их становится все больше. На уровне материальной реализации структуры состоят из людей, объединенных общими целями и материальными предметами. Системы же возникают, когда мысли группы людей направлены в одну сторону, а, следовательно, параметры мысленно излучаемой энергии идентичны – частота, период, направление. Тогда эти энергии соединяются в единый поток и начинают формировать отдельную

и независимую энергоинформационную структуру – Систему («Вибратор», «Маятник» – существуют различные названия). Система дышит и вибрирует тем сильнее, чем больше людей входят в круг ее доноров. Частота дыхания Системы или ее колебания и будет резонансной частотой. Такая структура с некоторой критической массы становится независимой и начинает развиваться самостоятельно по своим законам! Пример – бюрократический аппарат! Аппарат функционирует независимо от отдельных чиновников, как система, по своим законам. Решения отдельных чиновников не могут идти вразрез с законами системы, или этот отдельный элемент будет сразу отвергнут...

Любая такая Система по своей природе деструктивна, поскольку сосет энергию у доноров и устанавливает над ними свою власть! Если человек нашел свое место в Системе, она обеспечивает его всем необходимым, но как только он выбивается из общего ритма, он становится не нужен Системе, и от него избавляются.... Системы идут по пути своего постоянного расширения, чтобы пополнять свою энергию за счет все новых привлекаемых членов, но этот рост идет до определенного предела – критической массы, и тогда наступает взрыв (есть некое соотношение параметров системы). Это явление лежит в основе коррупции.

Деструктивные Системы выделяются тем, что ведут охоту за людьми и за властью!!! Чем Система агрессивнее, тем она деструктивнее. Такие Системы отучили людей выбирать ва-

рианты своего пути, своей судьбы. Если человек будет делать выбор самостоятельно, то он обретет независимость, и Системе его уже не привлечь! Системы стремятся держать своих доноров под контролем путем манипулирования их сознанием – их мыслями, задавая свои собственные ориентиры через СМИ, навязывая взгляды, линию поведения, ориентиры и рамки (например, формула «успешности», которая сейчас насаждается, стиль жизни...).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.